

Александр Фломастер

ИГРА ПРАВИЛ

Философский диалог XXI века

Александр Фломастер

Игра правил

Серия «Философский диалог XXI века»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57221046
Игра правил / Александр Фломастер: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-600-02691-9*

Аннотация

«Игра правил» – это уникальный синтез науки и философии, написанный языком психологии взаимоотношений и упакованный в современную социальную проблематику.

В книге представлены двенадцатилетние изыскания автора, структурированные в метафизическую модель, объемлющую популярные и альтернативные научные теории, некоторые философские направления и разнообразные религиозные воззрения.

Затрагивается значительная часть острых проблем современного общества, будь то переоценка значимости потребления, эгоцентризм, кризис авторитетов, утрата смысла жизни, различные формы нетерпимости и многое другое. Особое внимание уделено проблематике взаимоотношения полов.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	27
Глава IV	40
Глава V	50
Глава VI	56
Глава VII	62
Глава VIII	78
Глава IX	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Александр Фломастер

Игра правил

Философский диалог XXI века

© Фломастер А., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Дизайн обложки: Патрушева Т.Н.

Глава I

Моя первая партия

Сидя напротив меня в кресле и закинув голень левой ноги на колено правой ноги, В потянулся за своей чёрной пешкой и сделал тридцать пятый ход e5. «Ход ни о чём», – подумал я, и сразу забрал пешку ответным ходом fе5. Он без раздумий ответил: ладья e5, и самодовольно и слегка надменно ознаменовал ход очередной порцией своего менторства:

– Сила человека, – вальяжно излагал В, – обусловлена количеством гипотетически и фактически побеждённых им других людей. Людей, либо уже уступивших тебе своё жизненное пространство, либо готовых это сделать, как только ты от них этого потребуешь. Угнетение свободы воли – это неотъемлемый атрибут борьбы в человеческом социуме, – многозначительно разводя руками и замедлив речь, он обозначил окончание своего раунда, как бы ожидая отсутствия возражений и признания его победы. На лице В всё отчётливее проступало выражение самодовольства, которое он намеренно демонстрировал, но чтобы это выглядело так, будто он тщетно пытается его скрыть.

Мы играли в игру, внешне сильно напоминающую классические шахматы. Происходила она на шахматной доске и шахматными фигурами, ходящими по правилам шахмат.

Всё дело в том, что после 2006 года, когда машина начала доминировать над человеком в шахматах, интерес к ним с нашей стороны внезапно начал остывать. Но привычка – дело настырное, и даже когда мы сознательно отказались от дела, где творчество человека уступало место холодному расчету машины, тяга к шахматам оставалась на каком-то, чуть ли не инстинктивном, уровне. К слову сказать, «шахматы Фишера» тоже не поправляли положения и стойкого интереса не вызывали по той же самой причине. Тем не менее решение было найдено! И ответ пришёл, как всегда, со стороны вездесущего и во всё проникающего постмодернизма: объединения и сложения ранее имеющегося и создания чего-то, пусть и не принципиально, но довольно-таки нового и свежего. Короче говоря, В предложил объединить две игры: шахматы и го. Поначалу идея показалась до крайности абсурдной и нереалистичной, но в процессе обсуждения правил и механики игры стало вырисовываться что-то очень даже приличное. Игра начинается с пустого шахматного поля, куда игроки поочередно выставляют шахматные фигуры, размещая их на любых клетках. Один ход – одна выставленная фигура. Первыми на стол выставляются короли. После королей – любые фигуры или пешки по желанию. Действуют два правила: нельзя выставлять фигуру на сторону поля соперника, то есть за свою половину, и нельзя выставленной фигурой объявлять шах – выставленная на доску фигура должна «пожить» на поле хотя бы один ход, прежде чем обретёт возмож-

ность пересечь центр и атаковать короля противника. Немаловажна была возможность выставлять по две пешки за один ход, что в случае опасности давало хороший манёвр для защиты. Разумеется, единожды срубленные фигуры более не возвращались до завершения партии на игровое поле. Так у нас и получился слегка видоизменённый «Кингчесс». Поначалу игра в «это» была задорным ребячеством, продолжающимся исключительно из любопытства и разнообразия. Но со временем появлялись всё более захватывающие связки и стратегии, основанные на определённом порядке выставления фигур и пешек. Появились фишки и уловки с захватом пространства и прочие элементы творческого процесса игры, свойственные как шахматам, так и го. Игра прижилась и успешно затягивала всех её попробовавших. Синтез двух игр был гордо наречён «ШаГо», как несложно догадаться, по первым двум буквам названий. Была, конечно, идея назвать игру «ГоМаты», что, безусловно, гораздо ближе по звучанию и возникающим в голове образам передавало суть нелепой задумки. Но «ГоМаты» растворились тогда же, когда и были сотворены, уступив место нынешнему названию, закрепившемуся на годы.

Наша игра сопровождалась оживлённым и эмоциональным диалогом, как и полагается, с нарастающей важностью произносимых речей – когда каждый считает, что именно его фраза будет решающим туше в разговоре, расставляющим всё на свои места и заставляющим оппонента признать по-

ражение. Тема, по обыкновению, обсуждалась острая и жизненная: «Почему сильные люди угнетают слабых?».

– Всё дело в том, – незамедлительно среагировал я, нивелируя тем самым созданную им пафосность момента, в то же время сходяв ферзём на а1, – что человек с угнетённой свободой воли не добавляет тебе силы, а лишь показывает уровень силы нынешний. Задача сильного человека заключается не в познании собственного уровня силы, а в её приумножении. Нет никакого смысла плескаться силой в сторону слабых. Это не принесёт тебе никакого прироста в силе. Оттого сильным человеком является не угнетающий слабого, а слабому помогающий...

– Сентенциями глаголить – твоё всё! – внезапно перебил В. – Но пафосное словоблудие о «помощи слабым» не имеет ничего общего с прикладными знаниями о жизни. Подобным красноречием набита не одна сотня книг. Книг, как будто бы знающих и мудрых, а в реальности лишь напыщенных от собственной важности, но пустых и легкомысленных. Всё их красноречие с треском расколется о нашу замечательную зияющую мраком действительность. Приведи мне хоть один конкретный пример, где человек способен множить свою силу, не угнетая воли других людей?

Тот факт, что он меня перебил, – изрядно польстил. Он не стал бы делать этого без веской причины. Да ещё и забыв об очередном ходе! И раз уж такое произошло, то ему явно не по нраву услышанное. Но я постарался не обличать

факта понимания своей маленькой победы, а предпочёл выжать из произошедшего по максимуму: прибавил пару децибел громкости в голосе для пущей уверенности и докрутил ноток спокойствия в мимике для создания видимости абсолютного комфорта своей позиции:

– Могущество короля, – размеренным тоном отозвался я, – измеряется не числом окружающих его пешек. Нет! Могущество короля измеряется числом ферзей, созданных королём из пешек. Могущество короля измеряется числом людей, имеющих огромную силу и готовых пустить её в ход во имя своего правителя. Разница между зависимостью и преданностью. Между страхом и уважением. Между, в конце концов, ненавистью к тебе и любовью к тебе. Поэтому наделяя других людей силой, ты множишь и свою собственную. Сильные и преданные тебе люди представляют собой бóльшую пользу для тебя, чем угнетённые, слабые и зависимые. Угнетая людей, ты множишь врагов, хоть и слабых. А помогая людям и наделяя их силой, ты создаешь крепких друзей и союзников. Поэтому из пешек нужно создавать как можно более могущественные фигуры, наделяя их силой, а не оставлять их пешками и уж тем более не сбивать их с доски.

Закончил я говорить, ощущая абсолютный контроль над ситуацией и вкус победы во рту. Я толкнул мощнейшую мысль, наполненную полноценными образами. Для полноты картины, где в финале добрый герой побеждает злодея, в конце моего спича не хватало только эпической темы Ханса

Циммера и лёгкого бриза в лицо. Это была тяжёлая победа и оттого настолько приятная! Лицо В стало настоящим, все маски растаяли, глаза смотрели на доску, но как бы сквозь неё. И мысли его летали именно там, куда я их и отправил: в моей версии правды!

– Твой рассказ о необходимости создавать из пешек ферзей, – неторопливо заговорил В, смотря на доску и о чём-то думая, – это, бесспорно, верная мысль. Но она верна с одной оговоркой. Она верна только в том случае, если ты единственный на доске король, – сходяв неожиданно для меня ферзём е8, он оторвал от доски взгляд и, устремив его в мои глаза, продолжил говорить. – Короли, друг мой, существуют только на этой игровой доске. Но в нашей с тобой реальной жизни нет никаких королей. Никаких помогающих другим фигурам королей не существует. Все люди – лишь фигуры разного достоинства, усердно старающиеся доковылять шаг за шагом до ферзей. Но наше ковыляние совсем не на руку уже имеющимся на доске ферзям. Уже стоящим на доске ферзям не нужны конкуренты и соперники на «их» доске. Им не нужны новые ферзи. Ведь в реальном мире не существует никакой преданности и каждый играет только сам за себя. Оттого ферзи реального мира всеми силами стараются помешать другим фигурам стать ферзями. И в этом примитивном спектакле и заключена вся наша жизнь: борьба с другими фигурами за лучшее место под солнцем. И до самой смерти каждая фигура будет пытаться рубить фи-

гуры меньшего достоинства, уворачиваясь от ударов фигур достоинства большего. В стремлении стать сильнее мы будем рубить всех, кого можем рубить мы, и будем стараться выживать против тех, кто норовит срубить нас, – он оторвал от доски моего короля с g1 и, вращая его в руках, не спеша продолжал. – Поэтому вести речь о каком-то короле, якобы создающем из пешек ферзей и заботящемся о других фигурах, – это профанация чистой воды. Это полное непонимание механизмов человеческого социума, – вернув короля на место, он поднял лежащую с левой стороны доски мою ранее срубленную пешку и, медленно покручивая её в руках, продолжил говорить. – Ты, как и я, и как все остальные люди вокруг, – лишь одна из сотен миллионов фигур. И тебе плевать на окружающие фигуры чуть более, чем полностью.

Продолжая вращать пешку в правой руке, он замолчал. После его хода ферзём на e8 партия была закончена, ведь я вынужден был поменять своего ферзя на его ладью через три хода или получить мат через один. Я был уничтожен до такой степени, что вместо своих мыслей слышал лишь шаг секундной стрелки часов, стоящих далеко на кухне. Картина полностью перевернулась, и я оказался не в состоянии подыскать достойный ответ на им произнесённое. Я не мог найти слов и выдал что-то унижительно шаблонное вроде: «Хорошая партия, В, но мне нужно ещё поработать, так что давай договорим завтра!» Кивнув и поставив пешку обратно на стол, В встал, прошёл в прихожую, надел свою тёмно-синюю

восьмиклинку, накиннул пальто, пожал мне руку, поблагодарив за партию и беседу, и вышел на площадку с дежурной фразой-обещанием «позвонить на днях».

Заперев дверь и дойдя до кровати в спальне, я плюхнулся на неё как подкошенный и уставился в потолок... в потолок, из стыков плит которого совсем недавно на пол протекал цементный раствор, залитый соседом Серёгой сверху. Привычно перебирая затёртые чётки, я начал думать о бесчисленных случаях, когда я зарекался не праздновать победу раньше времени. Что как бы я ни контролировал ситуацию или как бы мне ни казалось, что я её контролирую, нужно сперва довести дело до конца, а потом уже радоваться полученному результату. Но я снова и снова попадаюсь в одну и ту же ловушку и наступаю на одни и те же грабли. Причём на грабли самым собой и разложенные, что раздражало неимоверно.

Но недооценка ситуации волновала меня куда меньше, чем сама суть разговора с В. Я старался как-то отвлечься рассуждениями о недооценке, хотя и здесь всё время возвращался к сути разговора, пытаюсь отыскать точку своего провала. Была ли моя позиция изначально ошибочна или я повёл её к пропасти с какого-то определенного момента диалога? Пытаясь разрешить возникшую дилемму, я обнаружил себя совершенно в другой позиции: под ногами у меня возник Гранд-канал! И по его водам я плыл то ли на гондоле, то ли на аутентичном лонгтейле тайского типа. В общем, я

находился на какой-то деревянной лодке с одним веслом позади. А управляла диковинным транспортом моя одноклассница, которую я не видел уже много лет. В стремлении разобраться в происходящем я совсем выпустил из виду, что мои рассуждения увели меня от бессилия в сон, где мы зачем-то плыли с Оксаной по Венеции...

Глава II

Короли и пешки

Попытки солнца пробиться сквозь окно в мои закрытые глаза не имели успеха против толстого полотенца, служившего плотной занавеской. Но Серёгино мастерство укладки ламината с помощью дрели, молотка и болгарки было неумолимо.

– И почему мысль о короле, окружённом сильными фигурами, мне показалась настолько веским аргументом во вчерашнем разговоре? – копошился я в мыслях спросонья. – Ведь, по сути, это получается не дружба и не забота о других людях, а самая что ни на есть манипуляция. Создавать для самого себя сильные фигуры! С мыслью не о благе людей, а именно о своём собственном. О благе короля. По сути, создавать лакеев и службу своих интересов. Прагматический подход, о котором и говорил В. Отвратительно, – разочарованно подытожил я.

Неожиданно в голове возникло продолжение мысли, ещё сильнее разбивающее мою вчерашнюю логику:

– Ведь актуальность других пешек для короля имеет место только в том случае, если они одного с королём цвета. Чёрные пешки для белого короля – не перспектива усиления, а совсем даже наоборот. И если всё же допускать существова-

ние королей, то, во-первых, – все они разного цвета. А во-вторых, им не под силу понять не то что цвет окружающих пешек, а хотя бы цвет свой собственный. Да и возможно ли понять свой цвет, и существует ли он? Уместно вообще ли разделение королей среди людей на цвета? – Столько вопросов без ответов. Поэтому В ещё проявил сдержанность в натиске на мою несостоятельную позицию и не разделал меня вчера подчистую, озвучив всё только что мной понятое.

– А может быть, такое понимание ему вовсе недоступно? – вдруг ошарашило мою голову. – Может быть, ему недоступна углублённая конкретика моего заблуждения?

В голове возник странный диссонанс. С одной стороны, я в полной мере понял силу позиции оппонента и слабость своей. Но с другой стороны, я отыскал в себе способность развить позицию оппонента и получить более качественную модель возражения, чем была у него. Я как бы победил сам себя успешнее, чем победил меня оппонент. А значит, я отчасти победил и его? Во как! Такое завершение мне понравилось больше вчерашнего! И так как мочевого пузыря всё настойчивее отправлял меня в известное место, после которого нужно было идти умываться, делать упражнения на пресс и завтракать, я решил закончить утреннее структурирование мыслей уверенностью в победе и над самим собой, и над оппонентом. Появилась приятная точка, отчасти восстановившая раздавленное вчера самолюбие.

В нынешнем году я внезапно полюбил пшённую кашу,

стойко ненавидимую всю сознательную жизнь. И немного подкрепившись кашей и бутербродом из чёрного хлеба со сливочным маслом и вкусным свежим сыром, я снова устремил мысли в блуждания по вчерашнему эпизоду:

– Это что получается? Получается, я отстаивал позицию созидания, выраженного взаимопомощью людей друг другу. Позицию сострадания и милосердия. Позицию любви различных форм. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», и всё такое. И я не смог удержать такую позицию? В самом деле? Что-то здесь точно было не так. Видимо, я зря полез в дебри аналогий с шахматами. Какие-то ферзи, пешки, короли. Зачем всё это, если речь о реальных людях? Видимо, романтика шахматной философии повела меня по ложному пути.

К слову, сыр и масло для поедаемого бутерброда были куплены Юмой вчера на базаре у женщины, много лет торгующей молочной продукцией со своего домашнего хозяйства. И она очень старается делать своё дело, исправно привозя из близлежащей деревни для постоянных клиентов всё действительно свежее и качественное. Ни разу не видел её, но дистанционно уважаю как большого профессионала своего дела.

– А может, не зря я полез в шахматную философию? – не унимался я. – Может быть, плоды произошедшего разговора дадут мне возможность убедиться в ошибочности моего нынешнего взгляда на общество людей? Ведь о какой взаи-

мопомощи можно вести речь в условиях рыночной экономики и капитализма? А люди сами выбрали такой формат общества. Следовательно, они находятся на соответствующем уровне нравственного развития. На уровне, обусловленном грызнёй каждого с каждым. Своей агрессией, ненавистью и разрушением люди сами выбрали формат противостояния друг с другом, а совсем даже не любви и какого-то там «правильного общества», воспеваемого теоретиками.

Мысли разгонялись, и в ход пошли оставшиеся со вчерашней посиделки три ломтика красного «Риттер Спорт» с марципаном. Жаль, что осталось всего три. Хотя чай на исходе, пожалуй, в самый раз.

– Но ведь сам факт прогресса человеческого социума говорит именно о склонности людей к развитию в кооперации? – неудержимый поток мыслей продолжал прорываться наружу. – Если посмотреть на людей прошлого, то, например, родоплеменной строй вообще не предполагал какой-либо терпимости к не состоявшим с тобой в кровном родстве людям. «Кто не с нами, тот против нас», и всё в таком духе. А сегодня люди могут помочь на улице совершенно незнакомому и чужому человеку, просто потому что им захотелось помочь. Сегодня получается, что «кто не с нами, тот занимается своим делом» – и это абсолютно нормально. Актуальна более продвинутая модель: «мы развиваемся, и они развиваются». «Я свободен в своём развитии, а другой человек свободен в развитии своём». Всё помаленьку вытека-

ет в миролюбивый формат взаимодействия: «мы не против них, и они не против нас». В формат: «мы существуем параллельно». Понемногу исчезает парадокс восприятия, когда человек сам себя считает свободным и достойным лучшего, а другого считает недостойным того, что у него есть. «Я ничего никому не должен, а мне должны все вокруг», – предельно необоснованная мысль. Но именно ей и заполнены легионы голов по всему свету. Наравне с мыслью о том, что сам ты личность и уникал, а все остальные вокруг – безликая масса. Хотя факт уникальности каждого человека должен вытекать из понимания собственной уникальности. «Если я считаю себя уникальным, то и другой человек, так же, как и я, считает уникальным себя». Мы все уникальны и развиваемся параллельно. Подобные идеи мало-помалу начинают укладываться в голове у современного человека. Пусть не полностью и пусть не везде, но прогресс, безусловно, есть. Как минимум мы приходим к определённой спаду нетерпимости и вражды. Значит, не за горами и полноценная кооперация!

Я медленно прогуливался по комнате из стороны в сторону – так мне всегда лучше рассуждалось. Терпеть не могу думать в статичном положении. Тем более думать о чём-то важном.

– Может, пригласить на вечернюю партию В? Ведь со стороны «спада нетерпимости и прогресса в кооперации» мою позицию не просто будет разбить. Да и возьмётся ли он её

разбивать? – Непременно возьмется! Не потерпит отклонений от своей модели эгоистичного человека, воюющего с другими людьми. А я обосную ему развитие человеческого социума наглядными историческими примерами, фактом наличия прогрессирующих форм кооперации между людьми и вытекающим из этого вектором созидательной направленности! Логичная, верная и сильная позиция, – подумал я и тут же набрал его номер.

– Да-да-да! – вместо приветствия взорвался В. – Тридцать седьмой ход ладья f2 был лучшим ходом, вместо твоего ферзь a1. Я уже тоже посмотрел. Хотя ты там всё равно уже был без пешки, но на нашем уровне не критично, и шансы в эндшпиле у тебя оставались неплохие!

В самом ли деле он подумал, что я звоню по вопросу вчерашней партии? Или решил заострить внимание на моём поражении, чтобы, о чём бы ни пошёл далее разговор, уже иметь моральное преимущество, потому что мне будет неловко из-за того, что мы не обсудили вчера должным образом его победу и он не наслаждался ей в полной мере. Можно, конечно, попытаться уколоть в ответ, выдав небрежное: «Да крут-то ты крут, без вопросов, но я забыл уже про вчерашнюю партию и звоню совсем по другому вопросу!» Но если он и не думал нападать, а в самом деле просто интересовался возможным развитием партии и сейчас делится своими наблюдениями со мной без злого умысла? Тогда такой ответ с моей стороны будет выглядеть неуместным хамством. Ну

или по меньшей мере выдаст, что меня до сих пор напрягает поражение, раз я так остро реагирую на напоминание. А напрягает ли оно меня? Отчасти да, но в любом случае меньше, чем поражение в дискуссии. Скорее всего, лучшим ответом будет спокойствие и сдержанность. Слегка безразличный, но всё же выдержанный в позитивном ключе ответ:

– Привет, В! – хихикнул я, напялив пластмассовую любезность. – Я по другому поводу. Но спасибо, конечно, что разобрался. Я потом обязательно гляну партию ещё раз...

Только я начал жевать какую-то учтивую белиберду, как мне на ум пришла очень интересная мысль. Мысль о том, как же много событий и вариантов прокручиваются у человека в мозгу. Что даже во время происходящего разговора в воображении получается за доли секунды параллельно разбирать пласты разнонаправленной информации и принимать решения.

– Занимательный факт! – обрадовавшись своей находке, я решил сразу же ей поделиться. – Звонил я тебе по одному вопросу, но в процессе разговора у меня появился ещё один повод. Хочешь послушать сначала то, зачем я изначально звонил, или то, что зародилось прямо сейчас?

– Вторая мысль, – бодро зазвучало на том конце провода, – это и моя заслуга тоже. Ты ведь со мной разговаривал в момент, когда она к тебе пришла, поэтому выдавай сначала то, к чему я причастен, а потом своё.

– Ты, короче, как всегда в своём изворотливом стиле –

присваивать себе чужие победы. – В трубке раздался смех, и я продолжил: – Знаешь, почему человеку во сне кажется, что он очень долго спит и много всего происходит, притом что реального времени может пройти совсем мало?

– Конечно, знаю, – задорно отвечал он, – но с радостью выслушаю и твой вариант.

– В общем, – собрав мысли в кучу, приступил я к изложению задуманного, – это происходит из-за того, что в линейном времени реальности человек способен находиться только в одном месте и делать только одно действие. А во сне человек одновременно находится в разных событиях и прыгает из одного места в другое, он не ограничен линейностью времени. И ему кажется, что где он только не побывал и что события продолжались долго. Ведь он привык, что передислокация и смена обстановки занимают уйму времени. Точно так же, как человек разгребает кучу информации в голове при мышлении за доли секунды, так и во сне пласты событий наслаиваются друг на друга, а мозг воспринимает их как «случившиеся по очереди». Ведь мозг привык воспринимать протекающую жизнь линейно.

– Ну, прохладная инфа, – произнёс В, явно не получив ожидаемого откровения. – Это, во-первых. А во-вторых, я не могу понять, каким образом я смог оказаться причастен к мыслям о нелинейности событий во сне?

Не знаю почему, но я взял и выпалил ему всю цепочку своих не слишком приятных для него рассуждений:

– Когда в начале разговора ты начал рассказывать мне про вчерашнюю партию, я сразу же задался вопросом «зачем же ты это делаешь?». Хочешь покичиться фактом вчерашнего выигрыша или на самом деле разбирался в партии и хочешь поделиться? Я продумал множество вариантов твоей мотивации буквально за мгновение. И следствием копания стало понимание многомерности мыслей человека. Что в мыслях и рассуждениях человек одновременно оперирует разными слоями, а в реальных действиях человек плоский и линейный. И тема про сны тоже в этой связи доехала. Как-то так. Поэтому ты оказался причастен к моей мысли о мнимой долгосрочности и наполненности снов событиями.

– И чем же закончилось твоё рассуждение о мотиве моего звонка? – с неподдельным любопытством отозвался он. – Что ты в итоге решил: кичился ли я и задевал тебя намеренно или действительно хотел рассказать про партию?

– Всё-таки думаю, – с ноткой неловкости в голосе наконец разразился я, – что ты кичился и намеренно задевал. Думаю, что дело не в разборе партии. Но я не хотел обличать сего факта и обижать тебя ответными подколками, ведь вдруг ты имел другой умысел, а я бы тебя незаслуженно атаковал.

– На самом деле ты прав! – по ту сторону трубки вновь раздался смех. – Я пытался уколоть тебя намеренно. Но понимая, что ты можешь раскусить мою задумку, я готовил ещё и ответные меры!

– Какие такие «меры»? – сквозь образовавшуюся улыбку

удивлённо спросил я. – Да ещё и «ответные»!

– Если бы ты уличил меня в намеренном уколе, – через смех говорил В, – то я бы завиноватил тебя в стиле «да как ты мог так плохо обо мне подумать?!» и играл бы какое-то время в обидки. Ударив таким образом по тебе вдвойне: и фактом твоего вчерашнего проигрыша, и фактом твоих якобы «плохих» обо мне мыслей. И как только бы ты уверовал в навешанные на тебя косяки и унижения, я рассказал бы о всей глубине и коварстве замысла, ещё раз посмеявшись над тобой! И обличённая правда демонстрировала бы уже третью подряд мою победу в одном-единственном разговоре. И я получался бы весь тебя разбивший со всех сторон, да ещё и весь в белом – этаким благородный правдолюб! А ты взял и съехал, поломав весь мой гениальный злодейский план своим позитивным «приветом».

– Вот ты говоришь «весь в белом», – с энтузиазмом подхватил я. – Почему человеку хочется «быть в белом» перед самим собой в первую очередь? Кстати, это и была моя изначальная тема разговора и цель звонка. Я хотел поговорить о созидательном векторе направления человеческого социума, выраженном плавным переходом от нетерпимости к взаимопомощи. От вражды к кооперации. Имеется в виду в исторических масштабах. Глобальные процессы идут с уклоном на нравственное развитие людей, а значит, и так называемый «путь добра» в целом является конечной истиной. Я уже подготовил разные аргументы и базу для дискуссии. Ну

и что уж греха таить, и отыграться не терпится! Подкатывай часикам к восьми.

В трубке послышалось показушное «цыкание», после чего незамедлительно последовал ответ:

– Да я тебе сразу отвечу, – лениво заговорил В. – Слаба твоя мысль и наивна. На нас двоих – даже элементарно посмотри со стороны и сразу всё поймешь. Вот ты меня для чего зовёшь обсудить? Только честно? Естественно, для того, чтобы потешить своё самолюбие победой надо мной. Ни о какой любви и ни о каком созидании твои цели и близко не говорят. Только эгоизм, только победа над другим человеком и стремление подчинить его себе. А наша извечная игра во взаимные подколки, кто кого переиграет и перепостановит, – это, по-твоему, что? Для чего мы это делаем? Опять же попытки унижить друг друга победой. Пусть и в довольно мирной форме некоего спарринга для тренировки мозгов. Но сути это не меняет. Пойми, нелепо ты выглядишь, приглашая меня доказывать идею «наличия добра» с мыслью об уничтожении моей позиции. Твоё желание унижить меня победой прямо противоречит идее о наличии взаимопомощи с точки зрения нравственных мотивов. Только эгоизм и стремление подавлять другого. Больше ничего в людях нет. И всё развитие социума «в рамках исторических масштабов» заключено в стремлении лучше и лучше скрывать сей мотив. А почему человек хочет быть «в белом»? Да потому что такая позиция обезопасит его и максимально скро-

ет подлог с эгоистичным мотивом. Ведь если окружающие поймут горькую правду о том, что человеку плевать на них, то назреет открытый конфликт интересов. А принимать открытый бой опасно и невыгодно. Манипуляция и сокрытие истинных мотивов всегда надёжнее. Поэтому лучше пусть окружающие тешат себя иллюзиями о своей значимости, лицедея тебя «в белом» с мотивами света и добра. Элементарная защита корыстных интересов. Красивые маски добродетели – это ложь. Желание «быть в белом» обусловлено страхом того, что эгоизм будет обличён и последует конфликт. Поэтому и врут люди чаще лишь тем, кто сильнее их самих. Против сильных лицемерят и улыбаются. А слабакам выливают подлинную грязь прямо в лицо. Такие дела. А ещё на партейку тебя унизить я, конечно же, подкачу! Тем более ты сегодня за чёрных.

– Ожидаемый ответ! – моментально отрезал я. – Оттого я тебя и зову обсудить нормально. Приходи, короче, в восемь, там и поговорим. Всё, давай, на связи, баланс не резиновый!

Я положил трубку. Такого ответа я, естественно же, не ждал. И он снова прав. Ведь я зову его в попытке потешить своё самолюбие. Зову отыграться. Реваншировать и унизить его своей победой. И в такой вот обёртке я пытаюсь пропихнуть мысль о наличии нравственного развития людей? О наличии вектора созидательных мотивов и кооперации? Я жалок. Да, получается, что всё развитие людей и заключается в стремлении лучше прятать корыстные намерения. Все друг

другу улыбаются, но в кармане сжимают кулак и держат камень за пазухой. И современное повсеместное лицемерие, и моё в том числе, тому подтверждение. Не может быть и речи ни о каком нравственном векторе человечества.

Глава III

Тренировка и Мотя

Удачно купленный на eBay за сто три доллара чёрный спортивный костюм Jordan уже был надет. Беговые кроссовки в сумку, белые баскетбольные – на ноги. Полотенце, шорты, футболка, скакалка, бинты, подуставшие красные шингарты. Вроде ничего не забыл. О! Забыл килограммовые гантели, точно! Каждый раз рискую уйти на тренировку без них.

Сегодняшний поход отличался от похода во вторник. Я не получал наслаждения от нагрузок, а бегал, слушая сменяющиеся команды тренера, на автомате. Сегодня я понимал, что все мои занятия преследуют одну-единственную цель: стать сильным в стремлении победить как можно большее число людей, удовлетворяя свой эгоизм. Показать и доказать всем окружающим, что я сильнее и что я с лёгкостью могу унижить их в случае необходимости.

И тут я поймал себя на ощущении, что мне отвратительна подобная мысль. Что мне совсем не хочется кого-то унижать. Что вся суть и цель моих тренировок заключается в стремлении не зарастить жиром и чтобы мне легче давалась любая повседневная нагрузка. Да и в целом, когда при движении не чувствуешь вес собственного тела – это ни с чем не сравнимый кайф. Я понял, что цель моих занятий – не противо-

стояние с другими людьми, а развитие самого себя. Что мне приятно становится лучше, чем я есть сегодня, а не лучше, чем кто-то другой. Мне приятно воевать с самим собой, а не с другим человеком. Да! Именно так: война с самим собой. Это и есть устраивающий меня формат войны. Формат, реализуемый во всех действиях. Будь то тренировка или чтение книг, или любой другой аспект развития.

– Что на это смог бы возразить В? – сразу спохватился я. – Вероятно, он бы сказал, что мне интересно быть лучше, чем другие люди во всех аспектах, и исключительно тягой превосходства и продиктовано моё желание позвать его на сегодняшнюю дискуссию. Что мне льстит мысль о собственном главенстве над окружающими людьми. Что моё самолюбование результатами обусловлено лишь стремлением подавлять. Что конечная цель моего развития – повышение сопротивляемости к окружающим людям как источникам опасности. Реализация своего эгоизма наперекор эгоизму окружающих. А мой рассказ о «соревновании с самим собой» – удобное для самолюбия враньё.

«Конечная цель». Интересный термин. И в самом деле! Вот хочется мне быть лучше, чем я был вчера, и что? Для чего мне это нужно? Ведь не просто так. Цель же такая отчего-то имеется. Почему-то я реализую свою цель и реализую с удовольствием... Да, всё верно! Фактом своего роста и развития я удовлетворяю эгоизм. Я хочу – и поэтому делаю. То есть получается, конечной целью всё же является удовле-

творение собственного эгоизма. Мне хочется быть сегодня лучше, чем вчера, значит, я таки удовлетворяю свои пожелания. Я удовлетворяю своё «я хочу», реализуя эгоизм. Но насколько верно продолжение? Насколько верно утверждение: «Реализация своего эгоизма наперекор эгоизму окружающих»? Насколько мне важно, чтобы наступал этот самый «перекор»? Насколько мне важно, чтобы у них что-то не получалось и что именно не получалось? Их развитие в каких-то конкретных гранях личности? Да не сказал бы, что меня беспокоят и настораживают какие-то выборочные грани личности окружающих. Пусть развиваются. Нет никаких проблем. Моя утренняя мысль в силе: «Я не против них, и они не против меня – мы существуем параллельно». Если меня не напрягают конкретные аспекты развития других людей, тогда что?

Переодеваясь в раздевалке и прощаясь с уже переодевшимися ребятами, я увидел сообщение в ватсапе от Моти. Там была претензия касательно не выполненного мной обещания. В прошлые выходные мы договаривались созвониться во вторник. А если быть уж совсем точным, то мы условились о моём звонке ближе к вечеру. И сие обстоятельство совершенно вылетело у меня из головы, и звонок позавчера не последовало.

Рослый и улыбчивый Мотя по паспорту не значился Матвеем. Мотей его почему-то с самого детства называл старший брат, бугай, в каком-то бородатом году ставший побе-

дителем то ли спартакиады, то ли универсиады по самбо, чем всесильно кичился при любой удобной и неудобной возможности. С какого именно возраста и почему Мотя стал Мотей, уточнений не было, но те семнадцать лет, что я его знал, он уже давно для всех был Мотей. По имени, указанному в свидетельстве о рождении, его называл лишь отец и люди при знакомстве первые пару недель. Что касается его матери, то она постоянно сюсюкалась с ним даже в присутствии других людей, чем часто вгоняла его в краску. В зависимости от настроения, для неё он был то «её хорошеньким», то той или иной породы кошачьим. Преимущественно «львёночком». Но для большинства коллег и даже для начальства он также был «Мотей».

«Блин, замотался, извини, Моть! Если будет время, подкатывай сёдня в восемь ко мне, пообщаемся и посмотришь заодно, как мешки в шахматы играют. Я с тренировки выхожу», – ответил второпях я.

Толковость Моти проявилась ещё в раннем детстве, и поэтому вместо «счастливого детства на улице», так восхваляемого и в полной мере испытанного его старшим братом, Мотю с шести лет отправили на секцию шахмат, благополучно заброшенную им в десять, после получения разряда кандидата в мастера спорта. Всё связанное с цифрами и структурированием материала для него было слишком просто, чтобы быть интересным. Утомить его не способна была даже работа ведущим программистом java в представи-

тельстве одной из крупнейших в мире IT-компаний. И он всегда оставался полон энтузиазма и сил «поделаться что-то ещё». Например, помимо основной работы в компании он активно развивал свой стартап. Изобрёл совершенно новый формат материальных ценностей – электронные предметы искусства. Electronic Work of Arts или сокращенно e-WoA. И сейчас находился в стадии внедрения его в информационное пространство. Идея просто революционная. Помню, как перед встречей с инвесторами он тренировал презентацию на ничего в этом не смыслящем мне, рассказывая про кросс-платформенное программное обеспечение на базе технологии блокчейн, защищенное криптографическим протоколом SSL, и четырехступенчатую валидацию: Mining, Crafting, Investment, Trading. Суть задумки была в том, что на созданной им платформе генерируются электронные арт-объекты, имеющие формулы вероятности получения качественного уровня или что-то типа того. А потом, на опять же им созданной электронной бирже, они как-то продаются-покупаются участниками. И даже рассказывал про последующий вывод своего e-WoA на IPO. Короче говоря, подобные вещи находятся за гранью моего понимания. Но слоган его проекта я очень хорошо запомнил: «Будущее, наступившее уже сейчас». Мне тогда показалось, что звучит очень круто. И, насколько мне известно, тем инвесторам показалось так же, и они ухватились за проект как за золотую жилу, согласившись вкладывать в него какие-то просто сумасшедшие

деньги.

– Точно! – осенило меня. – Я наконец-то понял, какие конкретные аспекты и грани развития личности других людей мне бы не хотелось видеть. Меня бы не устроило развитие их личности, способное ограничивать развитие моё. Допустим, чья-то возможность контролировать мою свободу действий. Или возможность другого человека взять желаемое мной. Противостояние всегда начинается при появлении конфликта интересов. Когда два человека начинают претендовать на что-то одно. А так как ресурсы в нашем социуме ограничены, то и конфликт интересов неизбежен. Вот и ответ!

Вроде всё сложилось, всё встало на свои места. Но не покидало ощущение, будто что-то не так. Логика сложилась, а эмоционально я до сих пор сопротивляюсь. С чего бы это? Какие у меня есть основания сопротивляться? Ведь я наедине с собой, и мне не стыдно признать поражение своих же мыслей? А для самого себя мне не терпится докопаться до истинной сути возникшего протеста. Публично, может, и не признал бы ошибки, но сам себе врать-то не стану. Не вижу смысла.

И тут я понял – диссонанс обусловлен тем, что, с одной стороны, вражда логична и должна присутствовать, но, с другой стороны, я почему-то не испытываю её к другим людям. Неужели у меня нет с ними точек соприкосновения? Ведь ещё как есть, и немало! Почему тогда нет конфликта

интересов? Видимо, искать нужно в определении слова «ресурсы», те, что ограничены. И тогда появятся нужные ответы.

«Косячник ты. Вечером подъеду в районе восьми», – пришёл ответ от Моти.

– Ну и славненько, побеседуем теперь уже втроём, – заключил я, вытираясь в раздевалке после прохладного душа.

Хоть Мотя и любил пофилософствовать о жизни за чашкой крепкого чёрного чая в узком кругу, но за его пределами сложно было стать свидетелем Мотиной дискуссии с кем-либо. А уж вывести его на откровенный спор было и вовсе задачей неосуществимой. Спортивный интерес к доказыванию собственного мнения на публике напрочь отсутствовал в Мотиной натуре. Он всё время находился в каких-то внутренних размышлениях и общался с другими людьми лишь по мере острой необходимости. Помню интересный случай, приключившийся с ним позапрошлой осенью на тематическом мероприятии типа конференции или митапа, посвященном каким-то разработкам или инновационным решениям или ещё чему-то там.

Участники из года в год на таких мероприятиях почти всегда одни и те же, много кто друг друга знает и все со всеми обо всём беседуют. Уже привычный шведский стол с разнообразными закусками и напитками и десятки маленьких высоких столиков, вмещающих вокруг себя по три-четыре человека. Но в случае, когда беседующие сбиваются в группку,

выходящую за рамки одного стола, они спонтанно сдвигают два-три столика в один побольше и продолжают беседу. Ведь никто не хочет «выпасть» из важного обсуждения за момент обеденной паузы. В тот раз получился стол из двух столиков, за каждым из которых находилось пять или шесть человек. Двумя из них были Мотя и двадцатисемилетний главный менеджер по связям с общественностью из другой компании, по совместительству представляющий одну из ныне очень трендовых пищевых школ.

Мотю привело в восторг очень простое, но получившееся крайне вкусным блюдо. На безобидный и ни на что не претендующий озвученный восторг в ответ он получил хоть и приправленную дежурным позитивом и дружелюбием, но по факту – неприкрытую критику его выбора. Последовали претенциозные наставления и рекомендации относительно будущих выборов в вопросах питания. Рекомендации были даны на основании услышанной в интернет-обзоре информации из книги, повествующей о вреде определенных продуктов. На чём в монологе главного менеджера по связям с общественностью были расставлены соответствующие акценты. Мотя решил не вступать в полемику, шутливо парировал его выпад изречением «живём один раз, и в жизни нужно всё попробовать» и, улыбаясь, продолжил трапезу. На что получил новое замечание касательно ошибочности данного взгляда на жизнь и продолжение пересказа интернет-обзора. И хотя Моте, разумеется, была прекрасно известна оши-

бочность позиции «живём один раз, и в жизни нужно всё попробовать», он продолжал шутливо настаивать на сказанном, безнадежно срезая углы и пытаясь вывести диалог в плоскость нейтралитета.

Суть этой ситуации заключалась в том, что Мотя не только читал книгу, послужившую основой обзора, о котором шла речь в рассказе менеджера по связям. Но ещё Мотя читал англоязычный оригинал не только самой книги, но и её первоисточников. Помню, как он вздохнул рассказывал мне про пропаганду недобросовестными авторами антихолестериновых препаратов, приносивших клиническим лабораториям в начале двухтысячных годов десятки миллиардов долларов. И что холестерин, к удивлению многих его противников, является основой для синтеза половых гормонов: андрогена, тестостерона, эстрогена, прогестерона. И всевозможные массовые заболевания аменореей и бесплодием, а также фригидность, импотенция, ранний климакс и болезни мочеполовых органов – всё это последствия обезжиренной диеты и лекарств для понижения уровня холестерина. Что в каждом грамме коры надпочечников содержится сто миллиграммов холестерина. И что им вырабатываемые стероидные гормоны, синтезирующиеся преимущественно из холестерина, участвуют в регуляции обмена веществ и энергии. Что в каждом грамме головного мозга и нервных тканей содержится двадцать миллиграммов холестерина. Что холестерин необходим для нормальной деятельности серотониновых ре-

цепторов в мозге, а дефицит серотонина связывают с депрессией, агрессивным поведением и стремлением к самоубийству. Да и витамин D синтезируется под влиянием солнечного света из холестерина. Антихолестериновым препаратам нет дела до различия «хорошего холестерина» и «плохого холестерина»: они выводят из организма и тот, и другой. Хотя до его рассказов я, как и большинство обывателей, был убежден в том, что «холестерин – это зло». Рассказывал он также про то что один из авторов книг о пищевых диетах сильно ошибался, заявляя, что фолиевая кислота содержится исключительно в растительных продуктах. В то время как куриная печень содержит в четыре раза больше фолиевой кислоты, чем шпинат. Но что там к чему и чем всё закончилось – я не понял даже тогда, не говоря уж про то, что не смог бы корректно воспроизвести суть сейчас. Рассказывал Мотя и про натуропатию и голодание Арнольда Эрета, и про пищевые волокна, и аутолиз сырой лягушки Александра Уголева, и про что-то ещё кого-то ещё. Рассказывал даже про расщепление пищевых продуктов в тонком кишечнике и про бактериальную активность в кишечнике толстом, в ходе которой происходят процессы брожения и гниения, образуя различные газы, такие как метан, водород, азот и сероводород, а также уксусную, молочную и масляную кислоты, что является абсолютной нормой любого организма вне зависимости от типа принимаемой пищи. Но хорошо я запомнил только то, что касалось работы головного мозга. Что пищевые белки

делятся на неполноценные и полноценные: ненативные и нативные. И в первых очень мало незаменимых аминокислот, однако они очень полезны и богаты веществами и витаминами. Неполноценные белки содержатся в крупе, орехах, бобовых и овощах, а полноценные белки – это белки с большим содержанием аминокислот незаменимого ряда. Что одними орехами и бобовыми, к примеру, нельзя полноценно восполнить четыре из восьми незаменимых аминокислот: лизин, изолейцин, метионин и треонин. И что для обеспечения ими организма в обязательном порядке необходим животный белок. Что лизин активизирует мышление, а его недостаток может приводить к раздражительности, усталости и слабости. Что изолейцин определяет физическую и психическую выносливость, регулируя процессы энергообеспечения организма, в частности является необходимым для синтеза гемоглобина, отвечающего за уровень сахара в крови. Что от количества метионина в организме зависит синтез таурина, в свою очередь снижающего реакции гнева и раздражительности. И что метионин важен для многих функций организма, включая выработку иммунных клеток и функционирование нервной системы. А треонин и вовсе – структурный элемент центральной нервной системы. Эта аминокислота стимулирует иммунитет, так как способствует выработке антител. И что именно поэтому у всеядных и хищников интеллект развит значительно лучше, чем у травоядных. Ведь одна собака может пасти целое стадо баранов! Не думаю, что

у кого-то появится желание сравнить интеллект коровы, лоша или барана, например, с интеллектот крысы или ворона. Или с интеллектот шимпанзе. Ну а про интеллект хищного дельфина и говорить не приходится. А что касается сверкающих прекрасной фигурой и лучезарными улыбками блогеров и спортсменов, пропагандирующих крайности в питании или радикальные диеты, то не нужно забывать, что для поддержания полноценной работы организма эти люди употребляют огромное количество дорогостоящих специальных пищевых добавок и спортивного питания, включающих в себя множество полезных элементов и аминокислот. О чём, разумеется, в большинстве случаев «тактично» умалчивается. Поэтому кое-что из его слов я всё-таки для себя вынес: что всеядность человека – это не мода и не прихоть, а суровая видовая необходимость, давшая нашим далёким предкам огромный эволюционный скачок в развитии. А радикальные диеты уместны для людей с проблемами пищеварения или для полностью сформированного взрослого или даже пожилого организма. Поэтому, слушая рекомендации «этого знаменитого авторитетного человека», не нужно забывать, что ему далеко за сорок, а «слушающим» обычно нет и двадцати. И начинать ограничивать свой молодой формирующийся организм в полезных веществах – не лучшая затея. Разумеется, в первое время, пока у организма будут резервы, человек, отказавшийся от всеядности, будет порхать с лёгкостью и восторгаться своим приобретением. И быть мо-

жет, даже будет яро склонять друзей и знакомых к аналогичному формату питания, рассыпаясь в красочных рассказах об откуда ни возьмись приобретённой «дополнительной» силе и энергии. Но дополнительная сила и энергия будут лишь временным эффектом от высвобождения ресурсов на переработку «тяжёлых» продуктов питания. Со временем организм приспособится к новому формату существования, и количество энергии станет соответственным. Это как если резко похудеть на пять-семь килограммов: поначалу будет лёгкость, а приспособившись к новой массе тела, мышцы ослабнут. К такой хитрости прибегают профессиональные спортсмены боевых видов спорта – «сгонка веса» перед соревнованиями. Снижая массу тела, они получают краткосрочный прирост сил. Но как только запасённые ресурсы организма будут исчерпаны, а новые ресурсы черпать будет неоткуда, проявятся проблемы. Организм начнёт медленно деградировать, и в первую очередь этот процесс коснётся клеток головного мозга. Не говоря уже про катастрофические последствия радикальных диет для беременных женщин и формирующегося плода... Короче говоря, Мотя уделил большой промежуток жизни изучению вопроса питания. За это время им было прочитано, осмыслено и опробовано немало различных диет и крайностей. Но тем не менее, даже имея позицию, основанную на доскональном понимании вопроса, он не испытывал острой необходимости вступать в спор с человеком, готовым слушать и слышать только лишь себя самого.

Глава IV

Кооперация в отношениях и самолюбие

Юма всегда пытается успокоить меня, замечая моё напряжение из-за отсутствия ожидаемого результата. В данном случае из-за невозможности отстоять свою позицию во вчерашней дискуссии. Даже если я пытаюсь улыбаться и изображать хорошее настроение, имея намерение не испортить настроение ей, она всё равно чувствует моё нутро. Не то чтобы я плохо отыгрывал момент сокрытия истинного настроения, совсем нет. Наоборот, у меня всё крайне реалистично: спокойствие и позитив плавно изливаются и в голосе, и в мимике. Визуально моё состояние никак не отличить от истинно «нормального». Но она каким-то неведомым образом просто знает, как оно есть на самом деле. И никакие внешние атрибуты не способны защитить меня от её пронизывающего восприятия.

Сидя за обеденным столом после тренировки, я в очередной раз тонул в тщетных попытках скрыть нарастающее напряжение от предстоящего вечернего разговора: меня по-прежнему мучил провал во вчерашнем споре с В.

– Каждый смотрит на мир через собственные очки, – размеренно заговорила Юма. – Ты же сам всегда говоришь –

каждому своё. Нельзя подогнуть всех под один стандарт. Он воспринимает так, ты по-другому, а кто-то иначе, чем вы оба...

– Хорошо, что снова начали брать мариинский хлеб, – буровил я невпопад, как ни в чём не бывало. – А то белый как-то приелся уже, тем более под жареное мясо с рисом этот – самое то. Да и овощи под мариинский залетают ништяк. И огурцы, кстати, вообще не горчат в отличие от прошлых. У той же бабушки взяла или у другой?

Понимая обречённость попыток, я всё же старался не показывать своей обеспокоенности и до последнего держал вид «непоколебимого мужчины».

– У неё же, – недовольно отвечала Юма, понимая всю нелепость моих попыток уйти от темы. – Не знаю, почему так было прошлый раз. Я серьёзно тебе говорю... ты зря переживаешь и зря не хочешь говорить об этом. Со стороны всегда виднее ведь.

Её огромные серые глаза пристально высверливали мою плохенькую маску невозмутимости: она была решительно настроена довести задуманное до логического завершения.

Начав смекать, что банальным игнорированием темы отделаться не получится, я сыграл максимально доступное мне «искреннее удивление»:

– Почему не хочу говорить? – широко раскрыв «честные» глаза, изумился я. – Я услышал тебя, просто закончил разговор на ту тему и начал на другую. Мне нечего добавить к

сказанному тобой по поводу моей позиции, но есть что добавить по поводу мариинского хлеба!

– Тебе всегда есть что добавить, если ты хочешь добавлять, – по-доброму улыбаясь, резюмировала она, вставая из-за стола, чтобы налить нам чаю. – Мне-то уж не рассказывай. Хотя я прекрасно знаю, что всё, что я скажу тебе на эту тему, ты и так прекрасно знаешь. Просто иногда нужно повторять очевидные истины. Они легко вылетают из головы именно тогда, когда больше всего нужны.

Тут мою голову посетили рассуждения о мужском самолюбии. Что мужчине важнее тешить его, чем заниматься поиском более верного варианта развития своей личности. Ведь если мужчине сказать: «Ты не прав вот тут, делай вот так», то даже если он будет понимать абсолютную верность и логичность рекомендации, то он всё равно будет брыкаться и опровергать. Упирается, что «всё не так» и он «сам знает, как лучше». И в итоге будет делать пусть и хуже, но лишь бы по-своему. Самолюбие – штука серьёзная. А если мужчине сказать: «Можно попробовать сделать вот так, хотя ты это и сам знаешь», то отторжения не возникает и последовать совету вполне себе хочется. Притом что суть остается точно такой же, как и в первом варианте. Меняется лишь обёртка. Вот и получается, что если не произносить злосчастного «ты не прав» и ненавистного указательного «делай вот так», а еще задобрить фразой «ты это и сам знаешь», то получится инструмент, способный пробиться через непроходимую броню

вечно ущемлённого мужского самолюбия. Это верный способ донести близкому человеку желаемую помощь.

– Почему самолюбие мужчины так ранимо? – я решил раскрыть карты и обсудить с ней всё прямо. – Почему ты вынуждена так аккуратно подбирать слова, дабы не обидеть и не ранить меня? Почему тебе всегда требуется столько учтивости и деликатности в обращении с моим самолюбием? Зачем тебе извечные манипулятивные прикрасы и хитросплетения? Почему бы не рубануть всё прямо как есть?

– А ты думаешь, самолюбие женщины менее ранимо? – вкрадчиво оппонировала она. – Когда ты мне экивоками намекал на спорт и предлагал пойти побегать с тобой на стадионе «просто чтобы развеяться». Почему было не сказать прямо: «Хочу, чтобы попа у тебя была более упругая, ноги стройные, а животик подтянутый. Такую тебя я буду хотеть гораздо больше, и мне не придётся засматриваться на других. Плюс моё мужское самолюбие будет ликовать от того, что у меня женщина красивее, чем у других». Почему ты не сказал прямо? Ведь это естественно. Ты мной манипулировал? Был неискренен? Обманывал меня?

– Здесь суть... – я абсолютно не ждал такого поворота событий и, не находя что ответить, мямлил что-то невнятное, – не в том, что я...

– Да не старайся ты выдумать сейчас по-быстрому какую-то нелепую аргументацию, – пресекая мои жалкие попытки, перебила Юма. – Всё проще – ты был искренен в же-

лании помочь нашей паре в целом. Помочь развитию нашей пары. Был искренен в желании сделать меня красивее, себя счастливее от этого факта и меня счастливее от факта твоего счастья. Ведь если ты мной доволен, то и я этим довольна. В нормальной полноценной паре процесс развития взаимный и бесконечный. Как два скалолаза. Первый зацепляется и подтягивает к себе второго, страхуя подъём, а потом толкает его выше себя. А тот в свою очередь уходит вверх, зацепляется и подтягивает к себе первого и толкает вверх уже его. Таким образом они оба помогают друг другу расти и подниматься всё выше и выше. Так вот, твоё предложение «побегать на стадионе» – это не что иное, как направление меня выше моей нынешней точки.

– Ты хочешь сказать, – удивлённо подхватил я, – что в паре всегда кто-то выше в развитии, а кто-то ниже?

– Во-первых, это непонятно, – отозвалась она. – Потому что в отношениях всё сильно переплетено. Слишком много нюансов в развитии личности – всегда обязательно кто-то кого-то выше в одном аспекте и ниже в аспекте другом. А во-вторых, это не важно. Ведь если мы пара, значит, мы друг друга стоим, и, значит, наша задача расти вместе. Суть мной сказанного в том, что если в какой-то конкретной ситуации кто-то из двух скалолазов может подтянуть другого или направить его вверх, то он просто обязан это сделать. И ты это сделал тогда. А я это делаю сейчас. Ты направил меня вверх, а я пытаюсь направить вверх тебя. А что же касается кор-

ректных методов направления, то они должны быть наиболее эффективными и действенными. Оберегать самолюбие близкого человека от унижения – это первостепенная задача. Эмоциональный фон и психологический настрой на жизнь – это фундаментально. И пренебрегать этим – значит допускать серьёзный промах. Эмоциональные удары по самолюбию другого человека – не инструмент помощи, а инструмент войны. Инструмент для противостояния. Для превозношения своего самолюбия над самолюбием другого человека. «Я хороший – ты плохой». Ошибка, допускаемая большинством современных пар. «Я хорошая, а он плохой» или «я хороший, а она плохая». Почему это ошибка? Потому что, унижая своего партнёра, ты унижаешь только себя. Бесконечные женские сплетни на работе о «непутёвых» мужьях и их высмеивание. Или рассказы мужчин о «бестолковых» и «уже доставших» жёнах. Всё это не более чем выставление самого себя как человека, неспособного найти достойного партнёра. Такое поведение знаменует начало падения связки двух скалолазов. Ведь взаимными унижениями каждый в паре лишь подталкивает своего партнёра вниз. А задача двух людей в паре – не доказывать друг другу, кто лучше, а кто хуже. Их задача в реализации своего потенциала при помощи реализации потенциала партнёра. Только так качество взаимодействия двух личностей будет повышаться. Так вот, найдя правильные ответы для себя – ты будешь развиваться лучше. Будешь становиться счастливым и более развитым и

в свою очередь развивать и делать ещё более счастливой меня. Это и есть моя самоцель и задача – развитие нашей пары как совокупности ресурсов двух личностей. Я искренна в своём желании тебе помочь, и я ищу максимально эффективные средства для реализации такой модели. Это всё, что для меня имеет значение. А под какие термины можно подогнать мои действия и как их обозначить – мне безразлично.

Моя попытка ускользнуть от разговора завела его в ещё большую глубину. Я попытался сбавить возросший тон разговора и перевести его в позитивное русло:

– В интернете пруд пруди видеоблогеров, – улыбнулся я, – рассказывающих про взаимоотношения людей в паре. И если ты посмотришь их выпуски, то твои розовые очки по поводу «обоюдного стремления людей в паре делать что-то друг для друга» спадут. Увидишь весь мой мужской корыстный эгоизм и безразличие! – подтрунивал я.

– Забавно, – не желая уходить в шуточную плоскость, Юма продолжала отвечать абсолютно серьёзно, – как люди, не способные заинтересовать собой женщину, не способные построить нормальные отношения, да и вообще не разбирающиеся толком в людях, рассказывают другим об отношениях? Люди с разбитыми отношениями учат других людей отношениям. В самом деле? «У меня не получилось построить полноценные отношения – поэтому их не существует вообще!» Вот и вся логика современных «экспертов». У тебя не получилось – потому что ты не смог. Ты недостаточно хо-

рош для качественных отношений, вот и всё. Всё, для чего ты оказался нужен, – это попользоваться тобой какое-то время, а потом выбросить. Ведь от каждого человека берут то, что он способен дать. Но принять такую правду самолюбие мужчины не в силах. «Я не смог, значит, подобного не существует!» – это другое дело, такое мужчину греет! И нарочито пренебрежительное отношение ко всем женщинам, с которыми такие видеоблогеры имеют дело в рамках своих выпусков, аж кричит невероятной обидой и комплексами. И жаль вроде бы этих людей, и зло берёт, что учат молодёжь всяким глупостям. Одним словом, и ударить жалко, и слушать тошно. Кстати, я стала всё чаще и чаще ловить себя на одном наблюдении. Я назвала его «парадоксом поучительной информации». Суть парадокса в том, что творить в конкретном аспекте жизнедеятельности рвётся лишь человек, имеющий недостаток своей личности именно в этом аспекте. И за ширмой производимого творчества он как раз и скрывает свой недостаток. А как только человек решает проблему своего недостатка – он перестаёт творить в этом конкретном аспекте. Запал его деятельной инициативы иссякает. Ведь отныне человеку ничего никому не хочется доказывать. И это обстоятельство создаёт проблему. Ведь получается, что книги об отношениях пишут калеки отношений. Книжки о личностном росте пишут аутсайдеры личностного роста. Человек с пробелом в чём-то рвётся создавать себя именно в том, где у него пробел. Например, человек с психологиче-

скими проблемами рвётся в психологию, как какой-нибудь Фрейд. Вещать про отношения лезут люди с разбитыми сердцами, наподобие всяких блогеров или писателей-одиночек. Люди, потерявшие смысл жизни, пишут книги о смысле жизни. Люди, у которых объективно недостаточно ресурсов для какой-то деятельности, словно пытаются доказать сами себе, что их ресурса всё-таки вполне достаточно! Может быть, это некий вызов самому себе? Некий смысл, заключающийся в опровержении уничижительных выводов о самом себе? Но это создаёт проблему для других и ставит вопрос: где же брать верную информацию по тем или иным темам? Но, как и всё гениальное, ответ очень прост! Верную информацию нужно черпать только из своей собственной жизни. А вникать в вымученное кем-то уродство и пустышки нет никакого смысла. Жизнь каждого человека – уникальна, и прожить её нужно именно так – по-своему. И те, кто умеют жить, не кричат об этом и не пишут книг. Они тихо наслаждаются своей жизнью, никому не мешая. Счастливые люди не пишут книг о своём счастье. Счастье любит тишину. А реально талантливые люди часто ленивы и самодовольны. Самодостаточны от своих способностей и талантов. Им на всё плевать, они никуда не лезут и не стремятся. Оттого и есть выражение: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами». Удивительный факт, когда люди, имеющие отличные стартовые условия, растрачивают себя впустую, а люди, не имеющие толком ничего, – прут по жизни вперёд. Рьяно пи-

шут в основном люди, лишённые писательского таланта. А книгу от поистине талантливой человека можно встретить крайне редко. Да и в любой творческой деятельности аналогично – единицы талантов в океане бездарностей.

Разговор продолжался ещё около двенадцати минут. Я успокоился. И вернувшись к изначальной теме, уповал на извечное стремление человека найти какую-то объективную единую для всех истину и неуместное желание объять весь мир единым взглядом. Озвучил, что не устраивает почему-то человека правда. Та самая, что своя у каждого. И что отсутствие недоступной истины и не даёт людям покоя. В том числе не даёт это обстоятельство покоя и мне. Выдал ей переживания касательно своих метаний в разные стороны и касательно неспособности отстоять удерживаемую позицию. По итогу успокоил и оправдал себя тем фактом, что самокритика и поиск – это оптимальная модель развития. А закоренелая убеждённость в какой-то одной позиции без взгляда со всех сторон – сродни фанатизму и «не есть хорошо». Извинился, что вместо благодарности за помощь накручивал её своими неуместными эмоциональными выпадами. Мы допили чай и каждый пошёл заниматься своими делами.

Глава V

Ожидание в сомнениях

Излишне мрачные резные деревянные часы в прихожей уверяли о наступлении четверти восьмого. Среди расставленных на сегодняшней вечер приоритетов работа по-прежнему покорно ютилась в самом невзрачном захолустье моих мыслей. В фокусе был предстоящий разговор и его возможные перспективы. Причём перспектива ударов по самолюбию пугала куда меньше, чем перспектива ударов по мировоззрению. Перспектива узнать, что ты не так хорош, как о себе думал, – это полбеда. А вот перспектива понять, что видел мир не таким, какой он есть на самом деле, – это уже беда, как говорится, в полном объёме. Опасения, что строил фундамент своих ценностей и целей совсем не на том, на чём нужно было строить... С другой стороны, почему это пугает? По идее, должно же быть наоборот. Открывать для себя что-то новое всегда замечательно. Разве не так? Разве может существовать какая-то проблема в познании и открытии нового? Так новое-то открыть приятно. А вот переворачивать жизнь с ног на голову или с головы на ноги – это уже совсем другой вопрос. Это не прибавить недостающее к имеющемуся. Не дополнить кусочками мозаики проявляющуюся годами картинку. Речь о возможности кардинального пересмотра

призмы восприятия действительности. О возможности полностью выкинуть все ранее имеющиеся детали и начать собирать мировоззрение по крупицам с нуля. И именно такой расклад и пугает.

А способен ли вообще человек на подобное? Или он будет отбрыкиваться и закрываться от такого процесса всеми силами? Будет ли психика способна принять иную модель? Или она будет защищать саму себя отрицанием и блокированием информации противоречащей прежним установкам? Явится ли нынешний мой страх озвученных перспектив причиной невозможности впитать в себя новое? Готов ли я к этому? Готов ли я поставить на кон своё миропонимание и в случае проигрыша – безвозвратно от него отказаться? Нужно ли мне это? – бесконечные вопросы безжалостно терзали мой мозг. И хоть логика протестовала против целесообразности подобных экспериментов, но какой-то непонятный внутренний голос всё-таки настаивал на их проведении.

– Почему В всегда так уверен в произносимом? – рассуждал я. – На его овальном, всегда гладко выбритом кареглазом лице никогда нет гнетущего и разъедающего сомнения. Нет животного страха ошибиться. Он будто точно знает, как устроена жизнь. Знает, что ему нужно и как это наилучшим образом взять. Ему доступна какая-то непоколебимая платформа, несущая его сквозь бурлящие потоки разнообразия событий. Я так и не смог пошатнуть ни один из его устоев. Он с лёгкостью защищает и удерживает любую из выбран-

ных позиций. Да и как он разговаривает со своими немногочисленными подчинёнными: сплошной поток уверенности в своих словах! Притом что самодовольства ему не занимать, но его уверенность всегда подкреплена аргументацией и пояснительной базой, оттого и не переходит в самоуверенность и самодурство. На любые возражения и вопросы сомневающих он всегда даёт вразумительный и чёткий ответ, обосновывающий и доказывающий верность выбранного им пути. Не припомню за ним фразы «я прав, потому что я так считаю». Нет! Всегда лишь конкретика по существу излагаемого. За ясность ума и чёткое следование своей цели люди его и любят. Они преданы ему и выкладываются в его аудиторской конторе на все сто процентов. И огромную пекарню он открыл недавно, будучи уверенным в работоспособности своей задумки. Взял в кредит три здоровенных немецких печи, арендовал помещение, наладил сбыт через сети магазинов, и оно действительно сработало. Зарабатывает и процветает. А вечно сомневающих неудачников все обходят стороной и не уважают... Как только Юма меня терпит?

Вдруг откуда ни возьмишь мою голову посетила любопытная мысль:

– А может быть, люди совсем даже и не преданы В? Может быть, они вкалывают, потому что он умело ими манипулирует? Может быть, он находит на каждого верные рычаги давления и грамотно заставляет их работать на своё благо? Стыд... я даже здесь снова не уверен. Что я вообще знаю и

знаю ли я что-нибудь вообще? Хотя, по-моему, это одно и то же: «что я вообще знаю» и «знаю ли я что-нибудь вообще» – это фразы несущие идентичную смысловую нагрузку. Так какой смысл в одной мысленной конструкции употреблять оба выражения? Ведь выходит обычная тавтология? В принципе, насчёт сомнений – не всё так однозначно! Ведь следуя философии Декарта... ой, – моё лицо перекошилось от отвращения к самому себе, – представляю, что бы сейчас сказал В: «Ты пока пофилософствуй и посомневайся вместе с Декартом, а я тем временем уверенно возьму от жизни всё, что мне нравится». Так, всё. Стоп! Мозг начинает закапываться в самоистязании. Нужно передохнуть.

Последовали бессмысленные прогулки из комнаты в комнату и попытки сосредоточиться на увиденных предметах.

– Нужно купить ещё один платяной шкаф, слишком много вещей не могут найти своего места и располагаются в неуместных частях квартиры, – мысль, за которую я смог зацепиться в стремлении заинтересоваться чем-нибудь ещё, кроме как откровенно слабыми переживаниями о сомнениях. Но тут я поймал себя на нежелании думать о шкафе и на понимании того, что усилия лучше сосредоточить на поиске причин моего некачественного мышления, а не на стремлении убежать от проблемы. Каково решение? – Идеальным было бы посмотреть на вопрос шире и так увидеть причины коллапса. Но этот вариант был недоступен: нервное напряжение и его следствие в виде раздражения не давали воз-

возможности выйти за рамки дискретного мышления и намертво связывали меня с фрагментом нынешней действительности. Оставалось лишь заправить мозг порцией полезных веществ и всё-таки попытаться реализовать озвученный вариант «посмотреть на вопрос шире». Чайная ложка красной икры отлично справилась бы и перезагрузила мозг, но остатки икры были доедены во время вчерашнего завтрака. Варианты? Миндаль, стоящий на холодильнике в стеклянной банке с оранжевой крышкой. Если к нему заварить вон те недавно купленные Юмой шарики какого-то развесного зеленого чая – будет самое то! Точно, миндаль с чаем вполне сойдёт.

Решение любой проблемы сопровождается приятными ощущениями. Как бы меня сейчас поправили повсеместно появившиеся знатоки нейрохимии мозга – «выбросом дофамина». Но не суть. Даже понимание элементарной способности «успокоиться» дало на выходе замечательное состояние некой гордости за свои заслуги и ощущение «не зря прожитого дня». Захотел успокоиться – взял и успокоился. Я молодец! Причём я полностью отдаю себе отчёт в относительной эфемерности «заслуги». Потому что в действительности я по сути ничего нового не решил и ничего полезного не сделал. Я просто прошёл по кругу, вернувшись в изначальную точку. Тем не менее меня не покидало приятное ощущение выполненного дела.

– Идея! – обрадовался я. – А может быть, иногда намерен-

но создавать глупые микропроблемы, чтобы, решая их, чувствовать себя замечательно? – наслаждение от мнимой оригинальности придуманного моментально сменилось тучным принятием действительности. – Так ведь все люди именно так и живут всю жизнь, – сразу же подумал я, – каждодневно решая создаваемые самим собой глупые микропроблемы. Ничего нового я, к своему великому разочарованию, не изобрёл. А просто озвучил давно известную жизненную истину о самостоятельном заработке всех своих проблем. Какая-то бессмыслица... – Не успел я начать новый виток рассуждений, как его оборвал раздавшийся в дверь звонок.

Глава VI

Встреча с Мотей

– Я понимаю, – спешно выдал с порога Мотя, – что мы давно не виделись и необходимо формальное затянутое приветствие с дежурными вопросами. Но мы всегда на связи, и со всеми важными нюансами твоей жизни я знаком. Плюс, зная тебя, мне понятен качественный уровень твоих решений за то время, пока я детально не вникал в твою жизнь. Следовательно, что и как у тебя происходит в жизни, я знаю с вероятностью более чем восемьдесят семь процентов. А для удовлетворения любопытства такой вероятности мне вполне достаточно. Поэтому давай я сразу начну с интересного нам обоим.

Удивительным образом Мотя казался одновременно и растерянным и сосредоточенным. Как человек аккуратно и медленно несущий перед собой в двух руках нечто крайне ценное, что можно с лёгкостью обронить, разлить или разбить. В его глазах читалось метание между боязнью не смочь в целости донести это нечто и сосредоточенностью от понимания важности того, что он принёс.

– Тейлор Свифт? – с поддельным безразличием на лице моментально вставил я.

– Да нет же, причём тут Тейлор Свифт? – впопыхах отне-

кивался Мотя.

– Я недавно вывел интересное наблюдение, – сменив то-ропливый тон на размеренный, я с искренним удовлетворением на лице начал излагать задуманное. – Если человек мысленно на чём-то очень сосредоточен, то он неспособен адекватно реагировать на сарказм. Потому что в момент обработки какой-то мысли любая иная поступающая извне информация воспринимается критически и оценивается исключительно с точки зрения логики. Человеку, витающему в своих мыслях, можно говорить откровенную околесицу, и он будет разбирать её с задумчивым лицом, отвечая на поставленные в ней задачи на полном серьёзе. Поэтому можно очень просто проверять собеседника: с тобой ли он, слушает ли он тебя на самом деле или поддерживает нить разговора на автомате, думая о чём-то своём. Закидываешь собеседнику простой как огурец откровенный сарказм, и смотришь на его реакцию. Если сразу раскусил – значит, он с тобой. Если начинает рассуждать и вникать – значит, человек в своих мыслях и ему нет дела до твоих слов. Он в них не вникает, слушая тебя поверхностно, а его голова заполнена своими мыслями. Как ты, например, сейчас, на мой нелепый вопрос о Тейлор Свифт.

– Правдоподобная теория, – улыбнулся Мотя, оценив мои изыскания. – Но я ведь и не отрицаю, что витаю в своих мыслях. И я тебе прямо так и заявил, предлагая говорить сразу о нам обоим интересном...

– Тебе-то понятно, что нет дела до моей жизни, – фальшиво-обиженным тоном оборвал на полуслове я. – Ты и не спросишь, как я тут без тебя? Чем я живу? Как у меня дела?.. Но а вдруг мне интересно, чем ты живёшь? Вдруг мне не так безразлична твоя жизнь, как тебе моя? Вдруг я хочу поинтересоваться у тебя твоими делами?

Понимая мои намерения поймать его на сарказме во второй раз, он пуще прежнего заулыбался и, прищурив левый глаз, шуточно погрозил указательным пальцем правой руки:

– Бесконечно я, что ли, буду попадаться на одну и ту же уловку? – Поздоровавшись с Юмой и сняв свои тёмно-зелёные кеды, Мотя прошёл в зал.

Два баклажановых кожаных кресла стояли не на своих местах, а друг напротив друга, окружив собой маленький круглый журнальный столик, где уместилась шахматная доска с ожидающими расстановки деревянными резными фигурами, готовыми к очередному поединку в «ШаГо». Вся конструкция расположилась возле дивана из того же комплекта, стоящего недалеко от стены. Между краем столика и диваном было оставлено лишь тридцать сантиметров для беспрепятственного передвижения по нему из стороны в сторону. Я позаботился об удобстве игроков и зрителей. Точнее, об удобстве игроков и одного зрителя. Мотя поинтересовался, может ли он до прихода оппонента и начала партии временно присесть в кресло. И, получив одобрение, расположился в нём и незамедлительно приступил к изложению того само-

го, «нам обоим интересного». Я же разместился от него по левую руку на диване.

– Фундаментальная аподиктическая очевидность пространства! – выпалил он, после чего последовала пауза и ожидающий взгляд, как бы передающий мне эстафету. Глаза моего друга излучали радость и детскую наивность. Радость от мысли, что он наконец-то смог поделиться со мной распирающей его нутро информацией, и детскую наивность от уверенности, что именно это я и желал услышать. Словно ребёнок, дарящий кому-то на праздник милую поделку и ждущий в ответ одобрения.

– Давай представим, – вытаращив глаза, медленно заговорил я, – что ты ничего ещё не сказал. И пока я сосредоточенно продолжаю ждать начала твоего спича. А то мне немного не по себе от мысли, что мне нужно как-то реагировать на только что тобой произнесённое. В таком случае, лучше и вправду давай поговорим о Тейлор Свифт...

– Почему дуализм актуален и по сей день? – ни на секунду не задумавшись над моей юмористической потугой, продолжил он изливать поток мыслей. – Несводимость материального и духовного! Этот многовековой тезис принимается современным социумом как само собой разумеющееся. Стоит только произнести: «Материальное и духовное – две разные стороны человеческой жизни!» – и тут же все довольны. Все кивают. Почему существует полярность взгляда на суть бытия? Адепты различных школ могут бесконечно дискутиро-

вать о смысле жизни, и в итоге всё равно не придут к общему знаменателю. Хотя по отдельности у них всё будет звучать складно и гармонично. Но действительно ли эти две вещи столь далеки друг от друга? Да и вообще, что значит «духовное» в мире современной научной действительности? Ведь всё есть материя в том или ином виде. Даже энергия является видом материи. Как эти вещи вообще можно противопоставлять? Как можно говорить о материальном и духовном как о двух разных началах? Это же вздор!

Я почувствовал некий дискомфорт от поставленных им вопросов. С одной стороны, вещи действительно важные и нужные. Но с другой – настолько недостижимые и бесконечные, что глубину, которую придётся постичь, разбирая такие вопросы, сложно себе даже вообразить. Да и доступна ли человеку глубина, отвечающая на подобное? Тем не менее я нашёл в себе силы вступить в диалог:

– Существует ли нечто, – нахмурившись, важно рассуждал я, – способное свести дуализм в, скажем так, единое целое? Некая единая истина, в которую умещалась бы вся многомерность человеческих взглядов и представлений о мире? Серьёзный вопрос. Дерзну безосновательно предположить, что существует! – игриво завернул я в попытках остудить взвинченный градус серьёзности разговора и вернуть его к формату непринуждённой дружеской посиделки. – А ты мне сейчас, как я полагаю, развёрнуто и полноценно ответишь на свой вопрос. Ведь когда ты говорил о «нам обоим интерес-

ном», то ты и подразумевал решение вопроса дуализма! Так ведь? И именно о «возможности свести воедино материальное и духовное» ты мне сейчас и поведаешь! Я прав?

Я постарался максимально обличить дружеский тон своего едкого вопроса, даже приправив его лёгкой позитивной ухмылкой в надежде увидеть доброжелательную улыбку-одобрение от своего оппонента и услышать последующее объяснение-оправдание, что по существу поднятого вопроса сказать ему нечего. Как, собственно, и мне. А желал он лишь абстрактно пофилософствовать.

– Именно так, – твёрдо отрезал он. – Я же говорю, существует фундаментальная аподиктическая очевидность пространства. И как раз о ней я и хотел с тобой поговорить.

Уровень спокойствия, с которым Мотя произнёс ответ, заставил меня осознать нелепость моих попыток просчитать разговор наперёд и озадачить его своими «коварными» вопросами. Как оказалось, он и не думал сворачивать с намеченной линии. А всё, мной сказанное, вело именно к тому, что он и желал от меня услышать.

Мы давно не беседовали, и я совершенно позабыл о специфике диалога с этим человеком. Я опрометчиво упустил из вида тот факт, что диалог с ним должен предполагать просчёт глубины вариантов контраргументов. Лежащих на поверхности доводов, апеллирующих к противоположной позиции, обычно недостаточно, и всегда имеет смысл копнуть в глубину ходов.

Глава VII

Закон усложнения материи

– Внимательно слушаю, – оценив происходящее, я принял исходное положение на диване. Приведя мысли в порядок, я действительно сосредоточился и был готов вникать в слова собеседника максимально глубоко, насколько мне это было доступно.

– Если посмотреть на жизнь человечества со стороны, – неспешно продолжил развитие темы Мотя, – на условия его обитания, то мир человека состоит из двух составляющих. Человек живёт в совокупности созданного им самим мира – цивилизации и социума – и мира, человеком не созданного, – планеты, природы и всего окружающего пространства. Условия для существования представлены двумя параллельно функционирующими структурами: творением человека и независимой от воли человека данностью. Выдумывая свой мир, человек создавал и законы его существования: модели общества, шкалу ценностей, векторы движения цивилизации, мировоззренческую парадигму и законы взаимодействия человека с человеком. Не важно, что там именно и как человек навыдумывал, но фундаментальным является сама возможность для нас на своё усмотрение создавать структуры своего мира. Далеко отходить от природных закономер-

ностей и мудрить новые модели. Человеческая мысль выходит неким абсолютом для созданного им мира: как он сам захотел – так всё в своём мире и повернул. Совершенно иначе всё обстоит с независимой от человека природой. Законы не созданного человеком мира существуют вне зависимости от воли и планов человека. Они являют собой действительность, вынужденно принимаемую человеком. Именно вынужденно. Поэтому не созданный человеком мир уже для самого человека является абсолютом. Таким образом, у нас организовались три переменных для оперирования: «не созданный человеком мир», «человек» и «созданный человеком мир»...

– Подожди, – задумчиво вклинился я. – Давай для удобства оперирования понятиями введём некие обозначения. Не созданный человеком мир давай назовём «первым миром», а созданный человеком мир пусть будет «вторым миром».

– Отлично, пусть будет так, – сухо бросил Мотя, оставаясь на волне своих мыслей и толком даже не думая над моим предложением. – Так вот. Как можно заметить, между тремя переменными существует чёткая иерархия: законы не созданного человеком первого мира «главнее» человека. Ведь человек не может на них влиять. А человек «главнее» законов созданного им второго мира. Потому что он их сам и создал. И понимание этого обстоятельства даёт нам пищу для размышлений касательно таких любопытных поня-

тий, как «субъективно» и «объективно». В призме иерархии трёх вышеобозначенных составляющих понятие субъективности и объективности предстают совершенно в ином ракурсе. Ведь что такое объективно и субъективно? – находясь на какой-то своей волне, Мотя зачем-то начал объяснять мне, что такое «объективно» и «субъективно». Но дабы не ломать ему нить рассуждений, я не стал перебивать его, давая закончить мысль. – Если представить какую-то компанию с одним начальником и массой подчинённых, то субъективная воля начальника, его некое «личное мнение», будет представлять собой объективную данность для подчинённых. Иерархия. Точно так же личное мнение первого мира предстаёт объективными условиями для всех людей. Субъективный закон первого мира – это объективная реальность для человека. Поэтому, когда кто-то заявляет, что «всё в этом мире лишь игра субъективных точек зрения», что «главное – как на всё смотрит сам человек», это действительно относительно верно. Но рассказ о «точках зрения» и об «игре субъективности» применим исключительно к правилам и законам созданного самим человеком второго мира. Каким тоном поздороваться с соседом, что изобрести и что скушать на завтрак – это игра субъективных точек зрения, доступных во втором мире. На созданный мир человек как хочет, так и смотрит. Что хочет, то и думает. Что считает верным, то и принимает для себя как закон. Человек главнее второго мира, поэтому свой личный субъективный взгляд он вправе

считать в нём объективной точкой зрения. Отсюда и выражение «правда у каждого своя». Ведь «правда» – это субъективное восприятие человеком реальности. А оно как раз и формирует собой второй мир! Что же касается вынужденно принимаемой человеком данности первого мира, то здесь не существует никаких «игр субъективности». Какую бы свою личную субъективную правду человек ни считал объективной истиной, это не имеет никакого значения для законов первого мира. Потому что у первого мира есть своё «личное мнение», являющееся объективной константой для человека. Ведь первый мир стоит в иерархии выше самого человека...

– Допустим, что всё так, – задумчиво прервал его я. – Три составляющих с иерархией: «первый мир», «человек» и «второй мир». Каждая из вышестоящих структур влияет на структуру нижестоящую. Но что даёт это понимание? Для чего оно нам? Ведь для анализа нам доступно только влияние человека на второй мир. Нам доступно только «личное мнение» человека касательно социума и цивилизации, которое мы имеем возможность лицезреть воочию: как человек взаимодействует с другим человеком, к чему человек стремится в своём развитии и так далее. Ну а что насчёт «личного мнения» первого мира? Как понять личное мнение планеты, природы и окружающего пространства? Что это вообще такое и чем оно выражено? Откуда черпать понимание субъективного взгляда первого мира, влияющего на человека?

– Превосходный вопрос! – восхищённо произнес Мотя. – Но чтобы на него ответить, сначала нужно ответить на ряд более простых вопросов...

– Более простых, это типа каких? – наморщив лоб, оживился я.

– Типа, что мы можем наблюдать в окружающем нас мире? Что мы уже знаем о первом мире? Существуют ли в нём какие-то доступные для понимания константы? Какие-то постоянные и неизменные процессы? Что мы знаем об этом? Вполне точно мы знаем те процессы первого мира, которые человек смог изучить посредством имеющейся в его распоряжении науки. Человек структурировал процессы первого мира в законы своей науки: в законы математики, химии, физики и других. В законы, по которым, по мнению человека, работает первый мир. До недавних пор одним из законов первого мира считалось «линейное течение времени». Некоторые же современные научные гипотезы не рассматривают время линейно, заявляя о его многомерности. Но даже если не касаться качества подобных гипотез, то пока нас интересуют существующие рамки жизни человека на его планете. И сейчас мы не будем рассматривать гипотезы, выходящие за пределы нашей задачи. Для человека, проживающего жизнь на планете Земля в данный момент, линейность времени является константой, неотвратимым параметром. И исчерпывающим для нас будет следующее утверждение: время идёт, потому что оно идёт, и его ход не остановить. Так вот, что

вытекает из такой причины, как «линейность времени»? Нам это даёт течение событий во времени. События происходят постоянно. Время идёт, и события идут вместе с ним. Следовательно, мы имеем первую необходимую константу «личного мнения» первого мира: «Всё имеет свой период существования, выраженный линейным отрезком времени».

– Неплохо, – хвалебно покачал головой я, оценив Мотину логику. – Всё действительно имеет свой период существования, выраженный линейным отрезком времени.

– Первый мир, – увлечённо продолжал он рассуждать, – будто бы заявляет человеку различными проявлениями: «время идёт вот так», «гравитация притягивает вот так и так», «свет светит вот так и так». Получается, что личное мнение первого мира выражено определёнными конкретными законами. Первый мир показывает нам, как в нём всё работает. И самое важное в работе первого мира – это его состав. Если не вдаваться в дебри космологии и в терминологию научных гипотез, то всё, что является для нас окружающим миром, – это материя. Это первое, что нужно отчётливо для себя уяснить.

– Это-то понятно, – мои мысли потихоньку начинали раскручиваться и даже выдавать какие-то логические связи и вопросы. – Только что нам даёт это понимание? Всё вокруг материя – и что?

– Раскручивай мысль, – увидев мою нарастающую заинтересованность, он рассуждал и призывал рассуждать меня. –

Всё вокруг материя. Что происходит со всей окружающей материей, работающей в рамках первой константы «личного мнения» первого мира? Какой один общий процесс происходит с материей? Что-нибудь вообще происходит или ничего не происходит?

– Конечно, происходит, – ни секунды не мешкая, подхватил я. – Происходит постоянное движение материи во времени. Материя не статична, и она находится в постоянном движении.

– Абсолютно верно! Общий процесс, происходящий со всей материей – это постоянное движение во времени. Следовательно, мы можем дополнить первую константу первого мира, то есть периодичность существования материи в конкретном временном промежутке, фактом пребывания всей материи в движении. Мы можем утверждать, что повсюду происходит постоянное движение материи во времени. Любой период существования материи в линейном отрезке времени обусловлен движением. Все законы первого мира обусловлены движением материи. На этом этапе можно вывести вторую константу: «Материя всегда находится в движении».

– Получается, что существует линейность времени с протекающим в ней движением материи. И у каждого движения материи во времени существует свой период. Пока всё складно, но по-прежнему не пойму, к чему ты ведёшь.

– А теперь ответь на простой вопрос: что происходит с постоянно движущейся материей за период существования?

С ней что-нибудь происходит или она «просто так» постоянно двигается?

– Классно ты придумал, – отступал я, похихикивая. – Это ты мне лучше скажи! Так-то понятно, что что-то да происходит. Какие-то процессы постоянно протекают.

– Элементарный же вопрос! – просящим тоном напирал Мотя. – Хотя бы немного задумайся и сразу ответишь!

По какой-то причине Мотя настаивал на моём самостоятельном ответе, хотя постановка его вопроса предполагала знание им ответа. И буквально через пару мгновений я действительно понял всю элементарность поставленной задачи и поспешил ответить:

– Разумеется, происходит! – уверенно разразился я. – С течением времени в движущейся материи происходят изменения. Вот что происходит!

– Bravo! – подняв большой палец вверх, обрадовался моему ответу Мотя. – Мы можем наблюдать, что за период существования находящаяся в движении материя – изменяется! Но самое важное тут вот что: как именно изменяется материя за свой период существования? Хаотично или в каком-то конкретном направлении?

– Ты предлагаешь мне сформулировать направление вектора изменения материи за её период существования в линейном времени? – мои глаза округлились, и я заулыбался. – Можно, я не буду отвечать на этот вопрос? – снова иронично отнекивался я. – Давай уж раз ты взялся мне рассказать, то

я лучше просто послушаю с умным видом.

– Как знаешь, – с нескрываемым сожалением развёл руками Мотя. – Но там всё снова элементарно. Уверен, что не хочешь подумать? – не сдавался он.

– Уверен, – упрямо качал головой я.

– Клетка делится – организм растёт, – приняв мой отказ, он тут же приступил к объяснению. – Различные элементы соединяются и образуют более сложные элементы. Субатомные частицы образуют атомы. Атомы образуют молекулы. Появление крупных гравитационно-связанных скоплений материи образует галактики, разрастающиеся до определённых размеров за временной период своего существования. Длительность процессов взаимодействия материи, то есть длительность их периодов, – различна: что-то происходит миллионы лет, а что-то за доли миллисекунды. Но факт в том, что всю материю, находящуюся в первом мире, объединяет одна переменная – движение, и имеется ярко выраженное направление этого движения: за определённый временной период материя усложняется.

Здесь я пожалел о своём отказе подумать. Ответ действительно лежал на поверхности. К слову, он был не так прост, как Мотя его рекламировал, но достаточно прост, чтобы, взяв немного времени на раздумья, его отыскать. Но я решил уточнить один момент:

– А что для материи означает «усложниться»? – любопытничал я. – «Усложниться», это сделать – что?

– Усложниться – это значит качественно преобразиться, – молниеносно ответил он. – Прогрессировать из простого в сложное, из маленького в большое. Приобрести иное качество сложности. Движение материи направлено на качественный прогресс. И отсюда у нас получается третья константа «личного мнения» первого мира, звучащая следующим образом: «Направление движения материи имеет ярко выраженный вектор качественного преобразования».

– Направлением изменения движущейся материи за её период существования в линейном времени является качественное преобразование, – подытожил я, собрав воедино все три озвученные им константы. – Очень даже неплохо. Но не сказал бы, что это прям уж так элементарно, – я попытался слегка оправдаться за своё нежелание думать над его вопросом.

– Существует некий фундаментальный закон, – складывалось ощущение, что всё им произносимое он сам слышит впервые, потому что с определённого момента в нём начал нарастать несвойственный ему эмоциональный подъём и торпливость речи, словно ему хотелось побыстрее выдать всё, что переполняло его голову, и он не желал отвлекаться даже на реакцию к моим комментариям. – Закон, для реализации задач которого и существуют все остальные законы. Закон, представляющий собой совокупность трёх констант первого мира, выражающих его «личное мнение» касательно происходящих в нём процессов. И я бы назвал его Законом

усложнения материи. Закон усложнения материи – это субъективное мнение первого мира. Это его «правда». Правда, являющаяся истиной для структур, стоящих ниже в иерархии. Первый мир говорит человеку: «Я считаю, что правильным является качественное преобразование материи за конкретный период её существования». Так вот, фундаментальная аподиктическая очевидность пространства – это наличие в нём Закона усложнения материи. Да, – вода глазами по сторонам, задумчиво подытожил он, – именно так всё это и обстоит. Это и есть фундаментальный закон не созданного человеком первого мира.

Он замолчал. Я же, опуская оценочные суждения относительно качества услышанной информации, попытался удержать его в некоем состоянии наития, в котором он оказался способен выдать всё то, что только что выдал. И быстро задал ряд интересующих меня вопросов:

– Каким образом, – спешно заговорил я, – «личное мнение» первого мира отражается на человеке? Какими конкретными проявлениями Закон усложнения материи сказывается в жизни каждого человека? И самое важное, как его воздействие можно понять и увидеть в своей повседневной жизни?

– Чтобы что-то понять в личном мнении первого мира, нужно сравнить объекты первого мира с объектами второго мира. За объект первого мира можно взять самого человека. А за объект второго мира возьмём созданный человеком

автомобиль. Самое важное, что нас интересует от объектов двух миров – это их фундаментальные отличительные черты. Как ты думаешь, в чём принципиальное отличие между человеком и автомобилем, если не брать во внимание сложность конструкции?

Немного поблуждав в рассуждениях и поискав ответы глазами на потолке, я выдал первое пришедшее на ум:

– Самовоспроизводимость объектов первого мира. Главная разница в предрасположенности объектов первого мира к самовоспроизведению без внешнего вмешательства. А объекты второго мира имеют лишь один персональный период существования и не порождают равной себе материи. Человек способен создать другого человека, а автомобиль не способен создать другой автомобиль.

– Это ты слишком глубоко копнул, – удивлённо возразил Мотя. – Можно и без самовоспроизводимости увидеть фундаментальные различия. Достаточно рассмотреть механику действия составных частей двух объектов. Вроде бы у обоих есть свой период существования. У обоих есть запас ресурса. Но фундаментальная разница заключается в различности принципа использования имеющегося запаса ресурса: чем больше внутри периода существования работают составные части созданного человеком автомобиля, тем больше они истощаются; а чем больше внутри периода существования работают составные части человека, тем больше они совершенствуются. Чем больше работает двигатель автомобиля, тем

меньше у него остается ресурса; а чем больше работает человеческий мозг, тем больше у него ресурса приобретается. Шины автомобиля с нагрузкой и пробегом лучше не становятся. Они лишь изнашиваются – их ресурс уменьшается. А мышцы человека с нагрузкой и «пробегом» становятся сильнее и выносливее – их эффективность увеличивается. Созданный человеком объект с течением времени не становится более качественным, чем он был на момент создания. Созданный человеком объект будет иметь одностороннюю направленность в сторону упрощения и деградации. А объект первого мира с течением времени имеет возможность стать более качественным, чем в момент создания. Объект первого мира имеет тенденцию к усложнению.

– Аналогия супер! – довольно воскликнул я. – Сколько ни избегай физических нагрузок в попытках «экономить силы», но становишься лишь слабее. А ресурс объектов, созданных людьми, можно смело экономить. Получается, что объекты первого мира склонны к развитию. Вся материя первого мира усложняется. Объекты же второго мира после своего создания склонны лишь к деградации и разрушению. Первый мир порождает развивающиеся и усложняющиеся за период существования объекты, а человек создаёт объекты лишь разрушающиеся и деградирующие за период своего существования.

Хоть всё им сказанное и представляло собой крайне занимательную информацию, но меня всё же интересовала прак-

тическая сторона её применения.

– Но как эти знания могут быть полезны для человека? – продолжал я сыпать вопросами. – Что такое «усложнение» конкретно для человека? В рамках Закона усложнения материи, что такое «усложниться» для человека? Для чего человеку вообще знать о Законе усложнения материи?

– Для Закона усложнения материи, – уверенно продолжал полёт своих мыслей Мотя, – усложнение человека выражено прогрессом имеющихся у человека ресурсов. Качественное усложнение конкретно для человека – это увеличение его ресурсов для действия. Следовать усложнению – это реализовать весь свой потенциал. В рамках этого понимания абсолютно несущественным является вопрос, что собой представляет человек. Если это лишь материя физического тела, ограниченная одним периодом от рождения до смерти, то значит, «объективно хорошо» для человека будет усложнять своё физическое тело дисциплиной физических нагрузок. Если человек – это только интеллект, значит, «объективно хорошо» будет усложнять свой интеллект дисциплиной познания. Если человек – это некая форма незримой энергии, значит, «объективно хорошо» будет усложнять энергию доступными способами. Если человек – это совокупность всего вышеперечисленного, значит, «объективно хорошо» для человека будет гармоничное качественное усложнение себя по всем направлениям: совершенствование своего физического тела, интеллекта и незримой энергии. Качественное преоб-

разование всей совокупности, представляющей собой человека. Это и есть объективная реальность для человека. Это субъективное личное мнение первого мира. Это «объективное хорошо» для человека.

– Выходит, – вдумчиво заговорил я, – что «объективное добро» – это следование Закону усложнения материи и развитие любой структуры, а «объективное зло» – это нарушение Закона усложнения материи и деградация любой структуры?

– Именно так, – кивнул Мотя, одобрив мой вывод.

В голове начала вырисовываться картинка. Перед глазами встали двигающиеся мелкие части, образующие части всё более крупные и сложные. Понимание про период усложнения материи в линейном течении времени легло на восприятие довольно уверенно и просто. Неким откровением стало разве что понимание отличия предметов первого мира, склонных за свой период существования к усложнению, от предметов второго мира, склонных к разрушению. Об этом я раньше как-то совсем не задумывался. Разница между мышцами человека и шинами автомобиля, между развитием синапсов мозга при мыслительных процессах и износом составных частей двигателя автомобиля при его работе. Принципиальная разница: прогресс и усложнение после момента создания или разрушение и упрощение. Всё было предельно понятно и лежало на ладони открытым знанием. Но что-то было не так. Знание ощущалось будто бы незаконченным.

Чувствовалась необъяснимая пустота, словно какая-то деталь была упущена. Вроде бы всё логично и всё верно: время, материя, период, движение, усложнение и человек, существующий по этим законам. Что же не так? Что же здесь может быть упущено?

Глава VIII

Свобода выбора

И тут я понял причину своего беспокойства. Почему же знание о Мотином Законе усложнения материи ощущается незаконченным и неполным? Я понял, какой детали мне не хватало. Моё непонятное состояние «отсутствия чего-то важного» вылилось в убийственный вопрос, способный разрушить весь смысл только что проявившейся от Мотиных слов картины: «А действительно ли человек может поступать по своему усмотрению?» Допустим, что существует некий Закон усложнения материи, вытекающий из логики наблюдений за окружающим пространством. Но откуда убеждение, что человек имеет возможность отказаться от следования этому закону? Ведь созданные человеком предметы второго мира не имеют выбора и подвержены за свой период существования лишь деградации и разрушению. Так, может быть, созданный первым миром человек имеет тенденцию только к усложнению, вне зависимости от его воли? Да и вообще, что такое «воля» человека? Картина казалась незаконченной именно из-за отсутствия понимания вопроса свободы выбора. Мой вопрос заключается в следующем: «Способен ли человек совершать выбор?»

– А если бы я был продавцом великолепных моющих пы-

лесосов, – слышалось из прихожей, – приобретая которые, вы получаете набор поясов для похудения и шесть точилок разного цвета? Что бы вы тогда делали? Я бы до посинения демонстрировал вам прелести диковинных приспособлений, и вы бы ничего не смогли с этим поделать. Со времён принятия факта несомненной пользы каши и опасности спичек правило того же порядка гласит: входную дверь нужно всегда держать закрытой!

Встав с дивана и направляясь к входной двери, я попытался парировать иронический выпад только что вошедшего в незапертую дверь В:

– Её нужно держать закрытой от посторонних, и актуально сие утверждение для детей. А какой же ты посторонний и какие же мы дети?

– Ладно, не оправдывайся, – продолжал шуточный спич В. – Зато я знаю, что наш шахматный император уже прибыл. Только он мог разуться и пройти в комнату, забыв запереть дверь... И в самом деле, собственной персоной!

Разувшись и заперев дверь, В прошёл в зал, где увидел сидящего в кресле Мотю. Тот встречал его вполоборота с протянутой для рукопожатия рукой и ухмылкой на лице, показывающей понимание и принятие прозвучавших подколов, но и нежелание вступать в противостояние и развивать их.

– Да-да, это я, привет-привет, – остающийся на волне своих мыслей Мотя пожал руку В, неохотно поддержав диалог о своей безалаберности.

– Я смотрю, у тебя защиты попросили, – обращаясь к Моте, продолжал свои издевки В. – Уже в кресло усадили за чёрных вместо себя?

– Да нет, – поспешил подняться с кресла Мотя, уступая место, – я до твоего прихода решил в кресло присесть. Игратьте, я посмотрю...

– Раз уж сидишь уже, – положив правую руку на Мотино плечо, В остановил его, – то давай с тобой и сыграем, что уж там! Ты же не против? – обратился ко мне В, заведомо зная, что в такой ситуации я не имею возможности ответить отказом на его идею их игры с Мотей.

– Без проблем! – бодро отреагировал я. – С радостью поучусь, как тебя за чёрных уничтожать, – поддерживая обстановку взаимных подколов, я решил вставить и свои три копейки. Хотя, по правде говоря, я и в самом деле был очень заинтересован в просмотре мастер-класса игры за чёрных против В.

– Ну как скажете, – без намека на сопротивление Мотя остался на своём месте.

Имеющий арсенал бесконечных инсинуаций и неиссякаемый запас эмоциональной составляющей для их грамотной реализации, В был виртуозом вербального противостояния. И оттого желание Моти победить его на своём поле боя было вполне оправданным и ясно просматривалось. А если я это понимал и замечал, то наивно было бы полагать, что происходящего не понимал и не замечал В.

– В кои-то веки ты согласился сыграть! – с наигранным удивлением в голосе произнес В. – Я, например, из вежливости предложил. Искренне надеюсь, что ты откажешься. А ты значит, вон как за дверь незакрытую взелся! Вот, значит, какой ты злопамятный и мстительный человек! Фу таким быть!

Присаживаясь за кресло к белым фигурам, В обличил всю нелепость ситуации и полностью обезоружил Мотю своим насмешливым выпадом, вынуждая его смущаться и retirроваться.

Оставшись невозмутимым, Мотя незамедлительно приступил к ответу. Он и сам понимал, что согласие на предложенную партию могло быть воспринято В как стремление поквитаться, и поэтому готовил контрудар на обличение такого факта:

– Я тоже безумно рад тебя видеть, – сквозь натянутую улыбку произнёс Мотя, – но сейчас от тебя была бы куда полезнее конструктивная критика предмета нашего разговора, нежели бесконечные издёвки. А партию давай сыграем, мы и правда с тобой что-то давно не играли, может, ты как раз научился за это время?

Приготовленный ответ хоть и был больше оборонительным, чем атакующим, тем не менее оказался довольно успешным. Пусть Мотя и не являлся экспертом словесного противостояния, как В, но просчитывать наперёд ходы противника он умел как минимум не хуже.

– Кстати, да, – обращаясь к В, я решил помочь направить разговор в сторону нашего с Мотей предмета обсуждения, – у нас тут крутейшая тема, про Закон усложнения материи! И твоё мнение действительно было бы очень кстати.

– Про закон чего? – прищунив левый глаз, чванливо переспросил В.

Разумеется, со слухом у В всё было в полном порядке, и своим вопросом он лишь задавал дальнейшему ответу пренебрежительный тон, пытаясь тем самым вывести Мотю из равновесия как перед предстоящей партией, так и перед предстоящей дискуссией.

– Про Закон усложнения материи, – откликнулся я, будто не понимая его намерений, – который Мотя выдал, пока тебя не было. Если вкратце, то суть закона в том, что направлением изменения материи за её период существования в линейном времени является качественное преобразование. Это как бы смысл и суть всего вокруг. И человека в том числе. Что Закон усложнения материи толкает всю материю пространства к усложнению и развитию.

– А от меня что требуется? – с искусственным удивлением нахмурил брови В.

Пока я продолжал отвечать на очевидные вопросы, он продумывал ответ на изначальный вопрос. Старая добрая тактика: принуждать собеседника повторять ясные для тебя аспекты разговора, выигрывая время на подготовку ответа. Чтобы выдать заранее продуманный ответ как некий

непринужденный экспромт, тем самым показывая собеседнику легковесность его задач и своё превосходство во владении обозначенной ситуацией. Искусственным кэррилизмом В выиграл для себя порядка тридцати секунд. Хотя я и понимал его задумку, но спокойно продолжал поддерживать разговор:

– От тебя требуется, например, реакция на тезис: «Направлением изменения материи за её период существования в линейном времени является качественное преобразование». Согласен ты или нет?

– Насчёт линейности времени я не уверен, – предметно отчеканил В. – Но если принять линейность за аксиому, то да – с течением времени всё вокруг развивается. Это закономерная тенденция окружающего пространства. И сюда же теория эволюции с усложнением структуры материи. Не совсем понятно, о чём тут можно дискутировать? Капитан Очевидность Мотя ещё бы рассказал нам, что Земля вокруг Солнца вращается. Или что гравитация притягивает.

Всё прозвучало именно так – пренебрежительный экспромт. Тридцать секунд и нужны были ему для продумывания и подготовки колкого ответа.

Мотя же, не поддаваясь на провокацию и не реагируя на едкие выпады обиженными комментариями, сделал вид, что ничего не произошло. Он преспокойно готовился к началу партии, аккуратно расставляя перед доской чёрные фигуры. Пешки были сосредоточены по левую руку, тяжёлые и лёг-

кие фигуры – по правую, а король располагался по центру между двумя этими группами и уже готовился первым выйти на доску.

Дождавшись удобного момента, я решил попробовать запустить разговор в интересующее меня русло:

– Моть, – задумчиво заговорил я, – вот ты говоришь, что следовать усложнению – это «реализовывать свой потенциал». Что задача человека в реализации имеющихся ресурсов. Что человек должен что-то постоянно развивать. И это всё как бы само собой подразумевает, что человек вправе выбирать, куда себя направлять. А настолько ли очевидно наличие у человека свободы выбора? Ведь по идее, если Закон усложнения материи существует, то человек не в силах ему противиться. Получается, человек не в силах выбирать что-то другое, кроме как следование Закону усложнения материи в том виде, в котором это предусмотрено Законом усложнения материи. Ведь это закон, и, значит, его нельзя нарушить. Может, не зря существуют утверждения про «судьбу» со стороны религии и про предопределенность выбора мозга со стороны науки? Может, мы и выбирать-то не в состоянии – тупо следуем по накатанной и заранее запланированной линии развития событий?

К моему удивлению, первым развитие темы поддержал именно В:

– Абсолютно неотвратимым для человека процессом, – без особого энтузиазма в голосе подхватил В, – то есть про-

цессом, на который человек не может повлиять абсолютно никак, является лишь начало его деятельности – рождение. Смерть же является лишь относительно неотвратимой. Потому что, во-первых, научно-технический прогресс приходит к увеличению срока человеческой жизни и в перспективе даже рассматривает варианты развития, приводящие физическое тело человека к бессмертию. Сейчас, имплантируя всё новые и новые органы, а в недалёком будущем – заменяя натуральные органы на синтетические, полимерные, органы из сплавов, создавая из людей некую форму кибернетической жизни. А во-вторых, человек имеет право выбора, когда конкретно ему прекратить свою жизнь. Существование человека представляет собой случайно образовавшуюся посредством физических процессов органическую материю. Материю, не имеющую конкретного смысла.

– Ну а как же все разговоры...

– Ты предлагаешь мне, – без колебаний перебил В, – копаться в абсолютном детерминизме Лапласа? Так ведь вся его теория ненаучна по той причине, что она не фальсифицируема. Какое опровержение ни дай – всегда можно заявить, что «опровержение было уже предопределено заранее, и, следовательно, лишь подтверждает детерминизм!» Это демагогический вздор! А научная теория должна иметь возможность быть опровергнутой определенным набором аргументов и контрдоводов. Для детерминизма же Лапласа не существует аргументов и контрдоводов, способных его

опровергнуть. Он на каждый контрдовод заявит, что «контрдовод был predetermined заранее». Это не опровергаемая фикция, сродни религиозному фатализму. В действительности же у всего существуют лишь вероятности, зависящие от заданных вводных параметров, будь то колмогоровское аксиоматическое определение вероятности или иные трактовки теории вероятности. И исходя из призмы современной научной модели, события в нашей жизни – лишь череда бессмысленных выборов, порождающих вероятности. В данный момент наши выборы ведут нас к одному неизменному результату – к смерти. А в перспективе бессмертия они не будут нас вести ни к какому логическому завершению или к вразумительной цели. Бессмысленное существование ради существования посредством выборов. «Судьба» же – это случайное появление человека в точке «А», факт его рождения с набором определенных переменных. Всё остальное – свобода выбора человека. Все события в жизни человека после его рождения являются свободным выбором, осуществляемым в рамках законов физики. Вникать в голословную чушь, где всякая жизнь представлена как predetermined и неизменный путь от точки «А» к точке «Б», способен человек крайне ущербных умственных способностей. Да ещё и халващик и лентяй, которому проще пенять на мифическую судьбу, чем прилагать реальные усилия для развития своей жизни. Козырная отмазка на все случаи жизни: «Такова моя судьба!» В то время как вся «судьба» заключается в том, в

какой семье и с каким телом ты родился. Холст и краски – вот и вся судьба. А что будет на холсте – зависит только от человека.

– Честно сказать, – пожал плечами я, – к своему стыду, я вынужден констатировать, что ничего не слышал ни о какой детерминированности Лапласа. Зато я слышал о мозге, принимающем решения быстрее, чем мы их понимаем. Что мы живём на автомате и весь наш выбор предопределён детерминированностью процессов мозга.

– Чего? – небрежно бросил В. – Какой ещё детерминированностью? Ты про растиражированный в интернете эксперимент Бенджамина Либега 1979 года? Если да, то задержка нервного импульса никоим образом не говорит об отсутствии у человека свободы выбора. А говорит лишь о временном промежутке, существующем между принятием решения о действии и самим действием. И обусловлен этот промежуток скоростью, с которой обработанное мозгом решение доходит до твоих конечностей. А если перед человеком поставить сто напёрстков, то, например, за тридцать секунд до начала принятия тобой решения никакой прибор никогда не рассчитает, какой из напёрстков ты выберешь. Не рассчитает даже в процессе твоих размышлений о выборе, не говоря уж про «заранее». А как только ты сделаешь свой выбор, то мозг даст импульс своему телу тянуться к выбранному тобой напёрстку, и за двести миллисекунд до самого действия прибор покажет твой выбор и укажет на напёрсток,

к которому собирается тянуться твоя рука. Потому что импульс в мозге будет раньше, чем начнётся действие конечностей. Как в компьютерной игре: между принятием тобой решения о нажатии на кнопку мыши и самим нажатием проходит в среднем двести миллисекунд. А с возрастом задержка увеличивается. Таким образом, свободой выбора ты формируешь необходимый импульс к действию, летящий от мозга к твоей руке или ноге. А тот факт, что сначала процесс предполагаемой деятельности формируется в головном мозге, а потом уже реализуется конечностями, является таким же «шокирующим открытием», как и Мотин ЗУМ. Всё те же рассуждения Капитана Очевидности, представленные как что-то невероятное. Разумеется, «невероятным» это кажется той же самой общественности, что с радостью верит в абсолютную predeterminedность жизни и прочий голословный бред. Для адекватных же людей базовые принципы мозговой активности вполне понятны. И они никогда не вытекают в какую-то чепуху про отсутствие у человека свободы выбора. Элементарная последовательность: ты принял решение, мозг обработал решение и послал импульс конечностям твоего тела, конечности исполнили, точка. Всё просто.

– Я, если честно, не совсем вникал в детали того опыта. Просто слышал звон о predeterminedности мозгом выборов человека. А ещё слышал звон о стэнфордском учебнике по нейробиологии за 2016 год, где подробно показано, на какую часть мозга необходимо воздействовать микроэлектродами,

чтобы поменять решение человека до того, как он его сознательно примет.

– Даже если это правда, – недовольно проворчал В, – то какое это отношение имеет к свободному выбору человека? Или на тебя что, постоянно воздействуют микроэлектродами? Свободный выбор предполагает наличие выбора в естественных условиях. А как начнут на твой мозг микроэлектродами воздействовать, вот тогда и начинай причитать об утрате способности выбирать. А пока наслаждайся, – ухмыльнулся он.

– Микроэлектродами не воздействуют, – возразил я. – Но про судьбу у тебя однобокий и плоский взгляд. Понятно, что если руководствоваться только современной наукой, то всё так и будет выглядеть. Но ведь это не полная картина...

– А ты чем предлагаешь руководствоваться? – вновь перебил В. – Чайником Рассела? Тогда ознакомься для начала с таким понятием из юриспруденции, как «презумпция невиновности». Знаешь, что это такое? Это основополагающий принцип уголовного права, гласящий, что «обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное». Так вот, наука работает по точно такому же принципу: «объекта не существует, пока не доказано обратное». А попытки глупцов представить противоположный принцип: «объект существует, пока не доказано обратное» – сродни презумпции виновности, где «обвиняемый виновен, пока не доказана его невиновность». Нелепо, не так ли? Настолько же нелепо, как и просить опро-

вергать наличие не доказанного объекта. Но фанатики такие фанатики! Поэтому с такими «аргументами» – это не ко мне. Это вот, – он ехидно указал кивком головы на сидящего напротив Мотю, – председатель правления братства следования Закону усложнения материи и по совместительству владыка шахмат обязательно представит тебе какую-нибудь красочную гипотезу.

Приняв вызов, Мотя приступил к изложению своей точки зрения, опуская в очередной раз нападки и инсинуации:

– Если всё подчинено Закону усложнения материи, – заговорил Мотя, – то смысл существования человека аналогичен смыслу существования окружающего мира – усложнение. И отсюда следует вполне однозначный вопрос: каким образом человек будет усложняться в рамках наличия неотвратимой череды событий? Усложнение всегда предполагает движение «от простого к сложному». Усложнение предполагает качественное изменение. А при «прокатывании» неотвратимой череды событий без свободы выбирать вектор исхода человек будет ограничен в возможности вносить качественные изменения в свою жизнь. Да и все прокатанные неотвратимые события могут и вовсе остаться калейдоскопом непонятых картинок. Без возможности самостоятельно выбирать направление движения своей жизни не может быть и речи ни о каком качественном усложнении человека.

– Ну как же «не может быть и речи»? – саркастично передёргивал В. – Чайник Рассела покажет человеку «стопро-

ценно развивающие» картинки! Будет показывать картинки только однозначно понятные и предельно удобоваримые! И по великой и непостижимой задумке чайника Рассела от просмотра неотвратимых картинок человек получит заранее просчитанное развитие. О как можно завернуть! Ты разве не знал, что в условиях загнанности в угол на помощь крошечному мозгу всякого невежды приходят воспалённые фантазии, активирующие магическую способность решать любые задачи? Я таких «контраргументов» могу выдумывать по семь сотен на каждый твой адекватный аргумент. И под стать мракобесному чучелу, могу ещё в довесок усердно кудахтать о недостатке у тебя ума и мудрости, по причине чего ты и не способен понимать мои ценнейшие пассажи. А если кроме шуток, то с такими пассажирами лучше не иметь никаких точек соприкосновения. А уж пытаться возражать на их смехотворный кретинизм, так и вообще думать забудь.

– Твой контраргумент некорректен, – решительно оппонировал Мотя, невзирая на шуточность возражения В. – Нечто с заранее предрешённым исходом не может являть собой процесс усложнения. Ведь нечто, заранее предрешённое ещё до начала своего пути, уже находится на запланированной качественной точке. Его итог заведомо известен, так что процесса усложнения не происходит. Это противоречит Закону усложнения материи, говорящему о линейности течения периода усложнения материи. Предположение об особом принципе усложнения для человека, идущем вразрез с

общими принципами Закона усложнения материи, является необоснованным и голословным. Лишь единый закон, распространяющийся на всю структуру материи, может представлять собой адекватную модель. А ставить под сомнение Закон усложнения материи, демонстрируемый природой везде и всюду простым и понятным языком, лишь на основании фантазии об «исключительности человека», считаю действием неразумным. Чтобы принимать какую-то картину мира во внимание – нужны основания и доказательства. Авольные допущения в стиле «а может быть, как-то по-другому?» к доказательствам не относятся и во внимание приниматься не могут.

Пусть В и высмеял своё замечание, но я счёл его достаточно интересным, а возражения Моти мне показались неубедительными. Я решил развить тему и немного поупорствовать:

– Я не считаю слова В противопоставлением Закону усложнения материи, – настойчиво заговорил я. – Если отбросить шутовство, то в его словах я не увидел сомнения в Законе усложнения материи. Напротив, я увидел попытку развить мысль на его основе. Демонстрация человеку неотвратимых событий может быть хорошо спланированной тренировкой для него. Почему нет? Ведь тренируя животное, например собаку или лошадь, человек имеет замысел развития его навыков. Так почему Закон усложнения материи не может делать того же самого с человеком? Почему он не мо-

жет тренировать человека? И ты не забывай, в момент тренировки животное не осознаёт замысла человека и факта происходящей тренировки, а лишь слепо следует воле человека. По сути, животное просматривает «калейдоскоп непонятых картинок». Но человеком в эти «картинки» вложена вполне конкретная суть: развитие животного. От просмотра картинок животное развивается, само того не понимая. И оно не вправе противиться воле человека в процессе дрессировки. Происходящая тренировка для животного предстаёт неким «провидением». Точно так же и Закон усложнения материи ведёт человека по пути развития без понимания процесса самим человеком. Закон усложнения материи развивает человека и ведёт его по пути заранее созданной и неотвратимой череды событий. По-моему, всё вполне логично. Почему человек может тренировать животное, а Закон усложнения материи тренировать человека не может?

– Во-первых, – без промедления начал Мотя, – человек и животное являются структурами одного порядка. Это структуры первого мира, созданные Законом усложнения материи. Ведь человек не создавал животное, не так ли? Подобный пример в корне ошибочен. Рассматривая варианты взаимодействия человека с Законом усложнения материи, нельзя апеллировать к взаимодействию человека с животным. А во-вторых, почему ты считаешь, что происходит какая-то «искусственная» ситуация с прокатыванием каких-то заранее созданных итогов? На каком основании ты утверждаешь,

что Закон усложнения материи решил создать для человека заранее просчитанную линию жизни? Просто потому, что ты допустил существование подобной модели? Тогда почему бы не поверить в модель, где мы – эксперимент инопланетян? Или что мы в виртуальной реальности? Или что реален ты один, а все остальные – клоны и программы? Подобные модели никак не проверяемы и неопровержимы. Можно создавать бурные фантазии и плескаться в них до умопомрачения. К слову, до умопомрачения, наступающего довольно быстро. Но вместо веры в голословные допущения и аргументации типа «попробуй опровергни!» имеет смысл искать доказательства своей идеи. Ведь опровержения фантазии может не существовать в принципе. И если доказательства не находятся, то идею нужно отбрасывать как несостоятельную. Опровергать же фантазии – занятие неблагодарное. Эффективнее – проверять фантазию на предмет доказательств. Фантазия касательно моделирования неотвратимой линии событий для человека от рождения до смерти, проживаемая им в совершении иллюзорных выборов, – не имеет ни одного доказательства в свою защиту.

Как виделось, и у Моти, и у В была одинаковая позиция насчёт наличия свободы выбора. Они напрочь отказывались принимать всевозможные варианты заранее запланированных событий в жизни человека.

Кстати, Мотин ответ касательно некорректности сравнения взаимодействия человека с животным и взаимодействия

человека с Законом усложнения материи был вполне убедительным.

– Да и дрессируя животное, – после небольшой паузы Мотя неожиданно продолжил, – человек не имеет замысла его усложнить. Его сложность не повышается от тренировок. Тренировка идёт не ради пользы его самого, а ради пользы тренирующего человека. Всё, чего желает человек, – это скорректировать ресурсы животного под нужды своей эксплуатации. Подавить свободу воли животного на своё усмотрение. А что касается усложнения, то со своим усложнением животное справится гораздо лучше без вмешательства человека. Уверяю тебя, оно будет прогрессировать гораздо эффективнее без следования человеческим приказам. Сравни иммунитет домашних животных и диких. Сравни их выживаемость в целом. Выпусти якобы «усложнённое» тренировками человека животное в естественную среду обитания, и животное быстро погибнет. Так являются ли тренировки человека усложнением для животного или они лишь пустая прихоть человека? А вот если представить человека, исходящего из необходимости прогресса для самого животного, то какой бы путь он выбрал? Что бы сделал человек, искренне желая животному максимального усложнения? Как бы человек взаимодействовал с животным в таком случае?

– Никак бы не взаимодействовал? – неуверенно промямлил я.

– В точку! – довольно кивнул Мотя. – Человек, желаю-

щий животному максимального усложнения, выбрал бы для него формат свободной воли. Дал бы животному возможность следовать по пути естественного отбора – усложняться оптимальным образом, создавая всё более совершенное потомство. Утверждение о Законе усложнения материи как о субъекте, якобы способном руководствоваться человеческими правилами уровня второго мира, является неприемлемым вздором. Адекватным здесь будет утверждение, что Закон усложнения материи предоставляет человеку столь же качественный путь прогресса, как и всей остальной материи. Такой же путь свободной воли и естественного отбора. И никакие искусственные рамки с заранее запланированным результатом не имеют под собой даже мало-мальски логичных оснований. Только метод проб и ошибок и анализ полученного опыта даёт прогресс. Любая теория о наличии череды заранее предопределённых событий несостоятельна. Только свобода выбора даёт человеку возможность расти и совершенствоваться. В природе всё оптимально. Если бы заранее существовала наиболее сложная форма материи или возможность её внедрить, человек бы и был такой формой изначально, без просмотра всяких шоу. Оптимальным следует считать наделение человека максимально доступной и максимально сложной формой материи. А рассказ о каком-то «срежиссированном шоу», на просмотр которого человек за чем-то тратит всю свою жизнь, – это «удел воспалённых фантазий крошечного мозга невежественных людей», как выра-

зился В.

Не очень-то хотелось переспрашивать отдельные вещи и чувствовать себя в дискуссии ещё более неуютно. Ведь получилось, что я оказался единственным, кто допускал отсутствие у человека свободы выбора. По причине чего я начал ловить на себе презрительные взгляды со стороны игрока за белых. О да, В никогда не стеснялся выражать свою субъективную оценку, и даже если она стесняла других людей, его это никогда не трогало и не беспокоило.

Я хотел было выбросить белый флаг и закрыть тему свободы выбора, признав несостоятельность обратного, как, откуда ни возьмись, в моей голове родилось блестящее возражение, изначально и сформировавшее мой вопрос. Я поспешил продолжить диалог:

– Ты утверждаешь, – взбодрился я, обращаясь к Моте, – что существует некий Закон усложнения материи. И в то же время заявляешь о наличии свободы выбора у человека. Но каким образом в мире могут одновременно уживаться два разнонаправленных принципа: Закон усложнения материи и свобода выбора человека? Ведь они друг другу противоречат. Закон усложнения материи всеми средствами стремится усложнять окружающий мир, развивать его. А свобода выбора человека подразумевает возможность упрощения. Свободный человек имеет возможность вносить диссонанс в процесс усложнения и вместо усложнения заниматься упрощением окружающего мира. Вместо созидания заниматься

разрушением. Получается, что влияние Закона усложнения материи не распространяется на свободу выбора человека? Так, что ли? Из твоих слов выходит, что человек не подчиняется Закону усложнения материи. Раз у человека есть возможность обойти закон и заниматься упрощением и разрушением? Но ранее ты говорил, что Закон усложнения материи представляет собой объективную реальность для человека. Что человек живёт в рамках Закона усложнения материи. А теперь выходит, что всё не так. Ведь свобода выбора человека подразумевает возможность отказа от соблюдения закона. А что это за такой закон, который человек в силах нарушать? Почему человек имеет возможность разрушать, если Закон усложнения материи настаивает на созидании? Тут явная несостыковка. Либо одно, либо другое. Либо работает свободный выбор человека, либо работает Закон усложнения материи. А так получается, мы имеем одновременно два разнонаправленных действия: созидание и прогресс от Закона усложнения материи и разрушение и регресс от свободы выбора человека. И каждый тянет одеяло на себя. Какой-то баттл человека против Закона усложнения материи получается.

Закончив своё возражение, я попытался боковым зрением оценить реакцию В на свои слова. Пытался уловить одобрение, задумчивость, восхищение или хотя бы что-то. Но он продолжал безучастно копаться в телефоне, будто ничего существенного не произошло. В самом ли деле мои слова пока-

зались ему недостаточно сильным возражением или он просто не желает подавать вида, что кто-то, кроме него, способен произносить значимые и интересные вещи?

– Дело в том, – твёрдо заговорил Мотя, – что свобода выбора человека существует лишь в рамках Закона усложнения материи. Приведу пример для наглядности. Человек имеет выбор: засунуть палец в розетку или не засовывать. Но если засунет, то его обязательно ударит током. Электрическое напряжение в розетке – это неотвратимый закон. Однако человек имеет право выбора: засовывать пальцы и получать разряд или не засовывать и не получать. Свобода выбора человека обусловлена рамками закона. Человек имеет свободу выбора, но его выбор подчинён Закону усложнения материи. Подчинённый в коллективе имеет свободу действий лишь в рамках своих полномочий. Он волен делать работу хорошо и получать за работу премии. И волен делать работу плохо, получая штрафы, выговоры и даже увольнение. Но какой бы свободой воли подчинённый ни обладал в своём коллективе, он не имеет возможности уволить своего начальника или повлиять на работу другого отдела. Вне зависимости от воли сотрудника владельцы компании и топ-менеджмент продолжают идти выбранным стратегическим курсом. Рядовой сотрудник лишь выбирает уровень своего персонального участия в процессе усложнения компании и не более. Его свобода ограничена полномочиями. Но в рамках своих полномочий – он свободен.

Я почерпнул для себя очевидность свободы выбора при неотвратимости наказания на примере засовывания пальцев в розетку и иерархии в рабочем коллективе. Да и в целом суть Мотиных ответов, как мне показалось, я уловил. В попытках поскорее завершить мною же заваренную и с треском проваленную дискуссию о свободе выбора я поспешил отреагировать на Мотины слова обобщающим выводом, позволяющим сохранить лицо:

– Я тебя услышал, – кивнул я многозначительно. – В принципе, даже некоторые догматические учения призывают человека поступать тем или иным образом. «Делай то», «не делай этого», «вот это хорошо, а вот это плохо». И если призывают как-то поступать, значит, предполагают наличие выбора. Зачем было бы призывать, если бы у человека его не было? Какой смысл говорить человеку «не убей» или «не укради», если есть предопределенность, вынуждающая человека повиноваться? Если существует некая неотвратимая череда событий – судьба, ведущая его к убийству или к воровству, и человек ничего не может с ней поделать? А если догматические учения призывают «делать» или «не делать», то значит, человек явно в силах направить свою жизнь по своему усмотрению. Получается, что даже догматический призыв поступать тем или иным образом даёт чёткое понимание наличия у человека выбора. Со всех сторон выходит, что человек наделён свободой выбора. А судьба, как неотвратимый аспект, на который человек не распространяет свой выбор,

представляет собой лишь стартовые условия жизни. Некие качественно разнящиеся наборы параметров самого человека. Такие, как физическое тело, условия рождения и заданные законы первого мира, обличённые людьми в науку. Данная совокупность параметров и представляет собой стартовые условия человека для создания череды свободных выборов.

Мотя одобрительно кивнул в ответ.

Взяв в руку две пешки и продолжая думать над своим очередным ходом, В то ли действительно не на шутку заинтересовался Мотиными словами, то ли стараясь из принципа их задавить в зародыше, озадачил его довольно любопытным развитием мысли:

– Череда свободных выборов, – рассуждал вслух В. – А есть ли в ней какой-то смысл? Мы лишь совершаем бесполезные хаотичные действия, получая на выходе бесполезные хаотичные следствия. Хоть Эйнштейн и говорил, что «Бог не играет в кости с Вселенной». Но если не играет, то что делает? Как оно всё распределяется? По какой такой схеме и методике? Вот это действительно интересно, и вот это открыло бы реальный пласт понимания сути бытия. А бредовые рассуждения про наличие или отсутствие судьбы – детский лепет и лишняя трата мозговой активности.

Глава IX

Причинно-следственная связь

– Существование Уголовного кодекса, – неторопливо заговорил Мотя, – предусматривает наличие механизма, приводящего его в исполнение. Если существует закон, то существует и механизм, приводящий закон в действие. Любой набор конкретных переменных является причиной для наступления следствия. Например: «Украл, выпил – в тюрьму». Где «украл и выпил» – это конкретные совершённые действия: набор переменных, представляющих собой причину. Причину для наступления следствия – «попадания в тюрьму». Какой закон может быть приведён в исполнение игральными костями? Какой закон может быть исполнен посредством случайности? Пятьдесят процентов, что сядешь в тюрьму, а пятьдесят, что не сядешь? Так только в нашем законодательстве бывает. Никто другой, разумеется, в кости с Вселенной не играет. И это то, в чём Эйнштейн был действительно прав. Только конкретика причинно-следственной связи – импульс конкретных переменных, создавших причину, всегда образует конкретные ответные переменные следствия. Украл, выпил – значит, только в тюрьму, и никаких фифти-фифти. Сто процентов в тюрьму, и точка. Причина – следствие. Только так и никак иначе.

Пока Мотя озвучивал свой ответ, В, собрав в кучу брови, кому-то что-то увлечённо писал, то ли письмо на электронную почту, то ли сообщение в мессенджер. Закончив и отложив смартфон в сторону, он заговорил:

– Довольствоваться маленькими кусочками чьей-то субъективной фантазии – это роскошь, доступная категории людей с определённым качеством умственных способностей, – вальяжно рассуждал В. – И я бы рад взять и поверить тебе или ещё кому-то, что существует некая «карма», воздающая по какой-то глобальной справедливости. Вот прямо взять и поверить на слово, как это делают миллионы людей по всему свету. Людей, не утруждающих себе голову таким незначительным аспектом любого утверждения, как доказательство. Но я в самом деле не могу этого сделать, как ни стараюсь. Если тебя не затруднит, не мог бы ты озвучить какие-то доказательства наличия причинно-следственной связи? По возможности, доказательства, доступные человеку простому, человеку, не входящему в элитный круг теологов, эзотериков и прочих образованных марксистов, если ты понимаешь, о чём я.

Слова Моти, производящие на меня впечатление и вовлекающие в пучину размышлений, получали от В лишь упрёки и пренебрежение.

Наилучшая реакция на неприкрытую иронию: невозмутимое выполнение требований оппонента. Требований, на его взгляд, неосуществимых и обличающих несостоятельность

высмеиваемой позиции. И выполнение с полным игнорированием самого факта иронии. Чему в лучших традициях защиты и последовал умудрённый опытом подобных противостояний Мотя:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.